

---

**К 50-летию ЮБИЛЕЮ ИНИОН РАН**  
УДК: 008

**Скворцов Л.В.**

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПРОФИЛЬ ЦЕНТРА  
ГУМАНИТАРНЫХ НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫХ  
ИССЛЕДОВАНИЙ: К 50-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ  
ИНИОН РАН<sup>1,2</sup>**

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,  
Москва, Россия, skvortovcgsir@mail.ru*

*Аннотация.* В статье рассматривается процесс формирования Центра гуманитарных научно-информационных исследований ИНИОН РАН и его концептуальный профиль. Формирование Центра относится к 90-м годам XX в. Цивилизационные проблемы, такие как разрушение Советского Союза и самораспад единого цивилизационного субъекта, наложили свой отпечаток на сущность фундаментальных цивилизационных проблем, которые оказались в фокусе внимания информационно-аналитической работы Центра. В статье анализируется процесс формирования структуры и основных направлений работы Центра. Рассматривается процесс создания новой информационной базы гуманитарного знания, нового профиля исследований, соединяющих в единое целое аналитический и информационный аспекты фундаментальной науки. Освещаются реальные результаты, полученные в рассмотрении проблем информационной культуры, трактовки сущности современного человека и особенностей современной глобальной цивилизации, проявления особенностей постцивилизационной эволюции и возникающих цивилизационных опасностей.

---

<sup>1</sup> © Л.В. Скворцов, 2019

<sup>2</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 17-33-00025-ОГН «Гетеротопия: Цивилизационный контекст».

*Ключевые слова:* Россия; новый мировой порядок; мировая цивилизация; «человеческое лицо»; информационная культура; когнитология; нигилизм; цивилизационные опасности.

Поступила: 10.09.2019

Принята к печати: 05.11.2019

**Skvortsov L.V.**  
**Conceptual profile of**  
**the Center for Humanitarian Scientific and Information Research:**  
**On the occasion of the 50<sup>th</sup> anniversary of INION RAN foundation<sup>1</sup>**  
*Institute of Scientific Information for Social Sciences of*  
*the Russian Academy of Sciences,*  
*Moscow, Russia, skvortsovcsir@mail.ru*

*Abstract.* In the article is presented the process of formation of the Centre of humanitarian scientific and informational research of INION RAS and its conceptional profile. Formation of the Centre was initiated and organized in 90 years of last century. The destruction of the Soviet Union and dissolution of unity of the civilizational subject influenced the essence of fundamental problems, which were in the attention of scientific researches of Centre. In the article are presented main trends of scientific researches, the process of formation of new information base of humanities, new profile of unity analytical and informational aspects of fundamental science, and real results in analysis of informational culture, essence of human being and peculiarities of contemporary civilization and its new dangers.

*Keywords:* Russia; new world order; world civilization; «human face»; informational culture; cognition; nihilism; civilizational dangers.

Received: 10.09.2019

Accepted: 05.11.2019

## **Введение**

### **1. Начало пути: Исходные основания**

Центр гуманитарных научно-информационных исследований сформировался как структурная составляющая ИНИОН РАН в 90-годы XX в. Время образования Центра, цивилизационная специфика периода, который переживала Россия в 90-е годы, оказали ключевое воздействие на концептуальный профиль деятельности Центра. Формирование Центра, его концептуального профиля

---

<sup>1</sup> The reported study was funded by RFBR, project number 17-33-00025-OGN «Heterotopia: Civilizational context».

можно отнести к 1990 г., к учреждению ежегодника «Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты» [Человек..., 1990]. Характерно, что первая статья главного редактора ежегодника имела заголовок «Культура самосознания как философская проблема». Это проблемы культурности и цивилизованности, проблемы культуры самосознания человека, диалогичности истины сознания, духовной идентичности общества, родовой сущности человека. Но самое важное, что хотелось бы отметить сегодня, это постановка вопроса *о метафизике самосознания как предвосхищения современной общечеловеческой проблемы метафизики НИЧТО* [там же, с. 9–35]. Постановка этих концептуальных проблем во многом предопределила основной тренд не только ежегодника, но и Центра гуманитарных научно-информационных исследований, организационное создание которого было завершено к 1997 г.

Структурное формирование Центра можно отнести к 1992 г., к созданию Отдела культурологии, которое было результатом преобразования Отдела научного коммунизма. Этот акт преобразования имел большой концептуальный смысл, поскольку означал признание культурологии как области фундаментального знания, легитимизирующую работу с проблемами и теоретическими концепциями, которые, в силу догматизации диалектического и исторического материализма относились к области идеализма, т.е. нелегитимного знания, выходящего за границы научной материалистической ментальности.

Вместе с Отделом культурологии был создан дайджест «Культурология», который наряду с освещением актуальных культурологических проблем ставил и фундаментальные теоретические вопросы, проблемы новой методологии, объясняющие характер цивилизационных сдвигов, происходивших в России, изменение оснований оценки истинного и неистинного в цивилизационном смысле [Скворцов, 2009 а; Скворцов, 2009 б]. Вместе с тем давалась теоретическая оценка происходящих нравственных сдвигов в обществе, в том числе и таких явлений, как оправдание феномена предательства [Культурология, 2010, с. 225–234].

Ключевую роль в формировании основного теоретического тренда деятельности Центра гуманитарных научно-информационных исследований играл ежегодник «Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты». С 2017 г. журнал выходит с периодичностью четыре номера в год. Начиная с первого выпуска в 1990 г. до года официального образования Центра увидели свет восемь выпусков

ежегодника, в которых получили концептуальное рассмотрение вопросы перцепции страха (1991), отношения человека и власти (1992), техники как проблемы гуманитарного знания (1993), истории эзотеризма (1994), природы насилия (1995), феномена толерантности (1996). Темой выпуска 1997 г. было рассмотрение проблемы души человека. В процессе анализа этих проблем все более отчетливо стала выявляться их специфическая концептуальная сущность как своеобразный синтез различных специальных направлений гуманитарного знания. *Это было синтетическое цивилизационное знание, отражающее характер и смысл исторической эволюции.*

История гуманитарного знания рождала и персональных представителей этого синтетического цивилизационного знания. Выявление этих уникальных фигур позволило подготовить и опубликовать первую серию их классических работ. Начиная с 1994 по 1998 г. было опубликовано 15 томов произведений классиков цивилизационного мышления, которые составили первую серию «Лики культуры». Инициатива в ее создании принадлежала С.Я. Левит.

В 1994 г. увидела свет работа Эрнста Трёльча «Историзм и его проблемы», посвященная памяти Вильгельма Дильтея и Вильгельма Виндельбанда. Характерен подзаголовок этого фундаментального труда: «Логическая проблема философии истории». В этом же году был опубликован сборник Карла Манхейма «Диагноз нашего времени», в который вошли его известные публикации «Идеология и утопия», «Человек и общество в эпоху преобразования», «Диагноз нашего времени». В этом же году опубликована книга Макса Вебера «Избранное. Образы общества», в которую вошли «Хозяйственная этика мировых религий», «Социология религий», «Социальные причины падения античной культуры» и другие работы. В 1995 г. были опубликованы работы Пауля Тиллиха «Избранное. Теология культуры». Свою систему Пауль Тиллих определял как «творческую интерпретацию человеческого существования». Увидели свет «Избранное. Дух и история» Вильгельма Виндельбанда. В том вошли философские статьи и речи В. Виндельбанда, работы «Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия», лекции о свободе воли и исследование, посвященное Платону. Опубликован том «Психоанализ и культура», посвященный двум классикам неопрейдизма Карен Хорни и Эриху Фромму. В том вошли работа Карен Хорни «Наши внутренние

конфликты» и работа Эриха Фромма «Здоровое общество». Вышла в свет и работа Григория Померанца «Выход из транса», в которой автор представил философские опыты, очерки культурологии и анализ восточного религиозного нигилизма.

Были также опубликованы альманах «Лики культуры» и антология «Культурология. XX век». В 1996 г. были опубликованы избранные произведения Георга Зиммеля в двух томах: том первый «Философия культуры», том второй «Созерцание жизни». В первый том вошли 16 лекций о Канте, прочитанных в Берлинском университете, а также работа «Социология религии». Во второй том вошли работы «Созерцание жизни. Четыре метафизические главы» и «Человек как враг». Опубликована также работа Якоба Буркхардта «Культура Возрождения в Италии». Опыт исследования, признанного классическим. В книге рассматриваются проблемы государства как произведения искусства, тирании и ее противников, развитие индивидуальности, возрождение античности, открытие человека. Опубликованы избранные труды Ричарда Нибура и Райнхольда Нибура: «Радикальный монотеизм и западная культура» Ричарда Нибура и «Опыт интерпретации христианской этики» Райнхольда Нибура.

Подготовлена к печати и опубликована работа «Опыт тысячелетия», в которой дано описание быта, нравов и идеалов Средних веков и эпохи Возрождения. В том вошли работы Леона Баттиста Альберти «О семье», Маттео Пальмиери «Гражданская жизнь», Марсилио Фичино «О моральных добродетелях», Бальдассара Кастильоне «О придворном». Особо следует отметить публикацию в этой серии избранных произведений Эрнста Кассирера «Избранное. Опыт о человеке». В том вошли такие произведения, как «Логика наук о культуре»; «Натуралистическое и гуманистическое обоснование философии культуры», «Понятийная форма в мифическом мышлении», «Идея и образ», «Опыт о человеке».

Проведенная работа по переводу и научному комментированию этих произведений открывала перспективу создания новой информационной базы гуманитарного знания и формирования цивилизационного мышления, основные тренды которого уже наметились в публикациях журнала «Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты». Состоявшееся в 1997 г. организационное оформление Центра гуманитарных научно-информационных

исследований создало реальный базис решения концептуальных задач, вставших перед цивилизационной теорией.

В состав Центра были включены четыре отдела: отдел философии, отдел культурологии, отдел языкознания и отдел литературоведения. В его работу были вовлечены три серии реферативного журнала «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература»: Серия 3. Философия, Серия 6. Языкознание, Серия 7. Литературоведение. В его структуру вошел также «Литературоведческий журнал». В итоге образован достаточно солидный корпус фундаментальных исследований проблем гуманитарного знания. Ключевая задача заключалась в том, чтобы определить *стратегию* этих исследований, ее фундаментальную цель и основные составляющие технологии решения стратегической задачи.

Концептуальная уникальность Центра заключалась и заключается в том, что он соединяет различные специализированные направления гуманитарного знания в определенную целостность, которая формируется в процессе *взаимодействия* и *взаимовлияния*, а значит, и формирования специфического типа цивилизационного мышления, позволяющего рассматривать узкоспециальные научные вопросы с позиций той ситуации, в которой находится российская цивилизация. Адекватный анализ фундаментальных научных цивилизационных проблем приобрел не менее фундаментальное практическое значение.

Чтобы кратко прояснить существо проблемы, можно использовать иллюстративный образ. Образно российская цивилизация представляет собой общий *Дом*, в котором проживал единый народ, который символически представлял *советский человек*. Процесс перестройки, обещавший создать новое общество с *человеческим лицом*, закономерно перешел в процесс реформ, как реализацию *подлинной* перестройки. Для осуществления этой цели «Царь Борис» определил представителей неолиберальной тусовки, которую возглавили Гайдар и Чубайс. Интеллектуальные танки определили Советский Союз в качестве «тоталитарного монстра», а советского человека как тупого «совка». Таким предстал перед взором народа общий Дом и он сам в этом общем Доме. Таким образом, позитивный смысл советской цивилизации и советского народа, одержавшего великую победу и создавшего сверхдержаву, был концептуально дискредитирован, и в итоге Советский Союз

как единое государство распался. Вместе с тем перестал существовать и единый цивилизационный субъект.

Новое общество с «человеческим лицом» стало формироваться. Особенность этого нового общества заключалась в том, что «человеческое лицо» в нем представлял мошенник или член организованной преступной группировки, который получал все большее влияние и все большую власть в жизни общества. Это было очевидное следствие реализации неолиберальной философии, ее радикального индивидуализма.

Наступил этап все более широкой нравственной и культурной деградации общественной жизни. Этот этап был практическим свидетельством фундаментальной цивилизационной ошибки в политической стратегии перестройки и неолиберальных реформ. Но осталось неясным, в чем содержательный смысл этой ошибки. Политика перестройки, обещавшая ускорение социально-экономического развития, как и неолиберальные реформы, делавшие ставку на спасительную роль абсолютизации экономической и социальной функции рынка, породили процессы разрушения самых передовых промышленных и сельскохозяйственных предприятий страны. Страна неудержимо двигалась в направлении экономической катастрофы.

Пришедшая к власти неолиберальная тусовка видела спасение страны от катастрофы в практическом процессе вхождения в «мировую цивилизацию». Такое вхождение означало «избавление» от тех советских отраслей промышленного производства, которые в той или иной форме дублировали западные отрасли промышленности. «Нормальными» становились суждения новых министров типа: зачем нам нужны свои самолеты, если весь мир летает на «Боингах»? Вместо того чтобы обременять свою экономику производством самолетов, гораздо проще их покупать, продавая на мировых рынках свою нефть. Таким образом, вхождение в мировую цивилизацию России имело своим следствием ее превращение в глобальную «бензоколонку».

Стратегия вхождения в мировую цивилизацию сопровождалась перестройкой всей системы образования по западным стандартам, подчинением политике *вытеснения* российской науки и культуры с занимаемых ими передовых позиций, утверждением монополии английского языка как языка международного общения

и науки, дискредитацией достижений российского спорта в Олимпийских играх и других международных соревнованиях.

Ключевым аспектом вхождения в «мировую цивилизацию» было демонстративное отречение от советского прошлого, от его цивилизационного величия. Эта позиция означала признание новым российским политическим руководством цивилизационного превосходства Запада.

Для политической элиты Запада это был сигнал для принятия и начала реализации глобальной доктрины установления нового мирового порядка, управление которым переходило к новому глобальному гегемону – Соединенным Штатам Америки. Его союзниками в этом процессе становились страны Западной Европы, которые рассчитывали на то, что в этом новом мировом порядке его составной частью станет реанимация в новом виде системы колониальных отношений, подчинения развития стран экономическим интересам Запада.

Закономерно возникал фундаментальный теоретический вопрос: в чем состоит действительное содержание понятия «мировая цивилизация», в которую устремилась Россия? Дело в том, что речь шла не о вхождении России в мировую цивилизацию, в которой она находилась с момента формирования культурных и духовных связей с Византией и принятия христианства, а о *подчинении суверенитета России* создаваемой новой глобальной пирамиде мирового порядка, в вершине которой расположился Вашингтон с его системой принятия глобальных руководящих решений, которые должны исполнять другие страны мира, в том числе и Россия. За отказ от исполнения принимаемых Вашингтоном решений следовали суровые наказания в форме военной агрессии или системы санкций.

Если мировую цивилизацию отождествлять с процессом глобализации и утверждения экономического господства в мире транснациональных корпораций и формированием неоколониальных отношений, то тогда в этой доктрине России определяется очевидная конкретная роль: она должна «освободиться» от своей цивилизационной специфики, перестать быть цивилизационным целым и стать комфортной частью нового мирового порядка, в котором главенствующую роль, определяющую функции стран и народов мира, играет *новый гегемон*.



Таким образом, стратегия перестройки и неолиберальной политики рождала два цивилизационных следствия:

– распад единого цивилизационного субъекта, символом которого был советский человек: вместо единого цивилизационного субъекта, в котором человек человеку был «друг, товарищ и брат», возникало много цивилизационных субъектов, некоторые из которых стали врагами и даже вступили в военные действия друг против друга и против России;

– попытка вхождения страны в так называемую «мировую цивилизацию», которая привела к разрушению национальной системы безопасности, утрате союзников, потере морального авторитета.

С позиций исторического опыта России современную неолиберальную тусовку можно отнести к цивилизационной вариации российских западников, которые, так же как и современные неолибералы, слепо верили в спасительный для России характер западных «дружеских объятий». Они отторгли уроки исторического опыта систематических попыток опрокинуть Россию и поставить ее на колени. Это – военные нашествия немецких псов-рыцарей, шведов, поляков, французов, англичан, американцев.

Можно уже не говорить о нацистском нашествии XX в., в котором приняли участие румыны, итальянцы и другие представители малых народностей, мечтавшие о победе над великой Россией. В этих военных «приключениях» приходилось встречать лицом к лицу тех, кто клялся в верности России в благодарность за то, что Россия в свое время спасла их народы от полного физического истребления. В этих потрясающих по своему смыслу цивилизационных фактах присутствует проблема истины самосознания народа, удержания этой истины и предательства этой истины. Это проблема, которая *проясняет для народа ответ на вопрос: «Кто я?» в цивилизационном смысле.*

Какие только ухищрения ни предпринимаются, чтобы обойти истину ответа на этот ключевой вопрос, какие методологические наряды только ни надеваются, чтобы разукрасить себя, какие факты истории превращаются в «несуществующие», чтобы скрыть истину исторической жизни. И почему-то все объединяются, чтобы опорочить Россию. Возникает вопрос: что их всех объединяет в этом поспании истины?

Ответ на этот вопрос подтолкнул к постановке задачи *создания полноценного информационного базиса современного гумани-*

тарного знания. Речь, в сущности, шла о формировании гносеологии адекватного цивилизационного мышления.

## **2. Новый информационный базис. Фундаментальные исследования**

Адекватное цивилизационное мышление формируется методически под воздействием исторической практики, жизненного опыта народа и интеллектуальной работы мыслителей, находящих адекватную формулу цивилизационной жизни.

Когда авторы политики реформ поставили ключевую задачу вхождения России в мировую цивилизацию, они исходили из априорного допущения, что у России отсутствует адекватная цивилизационная сущность. Чтобы обрести адекватное самосознание, Россия должна была взять его «напрокат» у Запада. России таким образом прививался комплекс неполноценности со всеми вытекающими цивилизационными последствиями.

Фундаментальная концептуальная задача Центра гуманитарных научно-информационных исследований состояла в том, чтобы воссоздать адекватное научное представление о действительной сущности цивилизационного самосознания, процессах его становления и развития применительно к этапам исторического развития. Вместе с тем освещение этой фундаментальной проблемы требовало адекватного воспроизведения духовного формирования западной цивилизационной культуры, ее влияния на Россию.

В Центре были определены и осуществлены три основных информационно-аналитических направления решения этой ключевой задачи.

Была осуществлена научная подготовка к изданию оригинальных работ отечественных выдающихся мыслителей, в центре внимания которых был анализ духовного, интеллектуального, культурного, философского становления России как цивилизационного субъекта. Была сформирована серия «Российские пропилеи», в которой публиковались собрания сочинений выдающихся российских мыслителей. Было подготовлено и опубликовано Собрание сочинений В.В. Розанова, в том числе и его знаменитый «Апокалипсис нашего времени», текст которого публиковался впервые [Розанов, 2000]. На основе проведенной работы была под-

готовлена и опубликована серия Полного собрания сочинений в семи томах: «Литература и искусство» [Розанов, 2014–2017], в которых представлены статьи и комментарии о писателях и писательстве, об искусстве и художниках, впечатления о странах и путешествиях.

Подготовлено и опубликовано Собрание сочинений М.Н. Каткова в шести томах, в которых публикуются авторские работы о литераторах и литературе (т. 1), о русском консерватизме (т. 2), о власти и терроре (т. 3), о философских чтениях (т. 4), об энергии предприимчивости (т. 5). В т. 6 публикуются отклики со стороны В.Г. Белинского, Ф.М. Достоевского, Н.Г. Чернышевского, Д.И. Писарева, А.И. Герцена, А.Н. Майкова, П.В. Анненкова, К.Н. Леонтьева, Н.С. Лескова, В.В. Розанова, В.С. Соловьева, Б.Н. Чичерина и др. на жизнь и творчество М.Н. Каткова [Катков, 2012].

Подготовлено и опубликовано Собрание сочинений Ю.Ф. Самарина в шести томах. Особый интерес представляют публикации, посвященные рассмотрению крепостного состояния и перехода из него к гражданской свободе, проекта Редакционной комиссии, разбора мнений князя П.П. Гагарина [Самарин, 2017, с. 43–145, 537–577]. Подготовлено и опубликовано Полное собрание сочинений И.В. Киреевского в трех томах [Киреевский, 2018 а; Киреевский, 2018 б; Киреевский, 2018 в]. Особый концептуальный интерес представляет письмо к Е.Е. Комаровскому «О характере просвещения Европы и его отношении к православию России» [Киреевский, 2018 в, с. 7–51]. В этой статье впервые в истории русской философской мысли раскрываются исторические причины и цивилизационные условия существенных отличий самосознания и правомерного устройства России и Запада. «Мнение, убеждение, — писал И.В. Киреевский, — две совершенно особые пружины двух совершенно различных общественных устройств» [там же, с. 38]. Мнение, в отличие от убеждения, есть преувеличенное сочувствие той стороне общественных интересов, которая совпадает с односторонностью и прикрывает своекорыстную исключительность «обманчивым призраком общей пользы» [там же]. Можно сказать, что это — суждение XXI века.

Масштабная научная работа по восстановлению цивилизационного мышления России была осуществлена в серии изданий «Российские пропилеи». В этой серии в исключительной полноте были представлены работы талантливого исследователя и пропа-

гандиста российской философии и культуры М.О. Гершензона. В 2016 г. была опубликована книга Михаила Гершензона, посвященная творчеству А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, П.В. Киреевского, А.И. Герцена, Н.П. Огарева [Гершензон, 2016]. Это культурологическое в своей сущности исследование М. Гершензон осуществлял в контексте оценки той международной политики, с которой «все – мерзость и зло: ее цель – корысть, средства действия – едва прикрытая ложь и хитрость в мире, и голый цинизм силы в войне. Полную противоположность ей представляет та новая, демократическая международность, коренящаяся в общем стремлении национальностей к свободе и праву. Ее синоним – солидарность народов» [там же, с. 126]. Эту цивилизационную позицию можно рассматривать как концептуальное предвосхищение современной ситуации.

М. Гершензон обратил внимание на тот факт, что «религия прогресса» освободила человека от раскаяния за грех и от страха перед неведомым: «вся планомерная деятельность воли и колоссальные усилия масс были направлены на подчинение вещественной природы; гармонизации же духа посвящалось сравнительно ничтожное внимание. Это – первый признак эпохи» [Гершензон, 2015, с. 10]. Это был признак угрозы возникновения мировой войны. В опубликованных произведениях Михаила Осиповича Гершензона нашли отражение и глубокое обсуждение многие философские проблемы, сохранившие актуальный смысл до наших дней, а публикация его переписки отражает широту его межличностных коммуникаций [Гершензон, 2016; Гершензон, 2017].

Интеллектуальная работа России была составной частью духовной жизни мировой цивилизации. Сохранение российской специфики в контексте постоянного диалога с Западом проявлялось даже в условиях возникшего идеологического противостояния в советский период. Характерно в этом отношении научное творчество Густава Шпета, который профессионально освоил школу немецкой философии. В серии «Российские Пропилеи» был опубликован ряд фундаментальных исследований Густава Шпета, таких как «Очерк развития русской философии» [Шпет, 2006; Шпет, 2008; Шпет, 2009]. Г. Шпет исходил из того, что философия есть показатель не просто взрослости, но европеизма культуры. В Европе Г. Шпет видел творчество мысли. С этих позиций он оценивал и состояние русской философской мысли. Г. Шпет, как и П.Я. Чаадаев,

приписывал большое значение известному факту, что Россия получила свое христианство не от Рима, а от Византии, не на латинском, а на болгарско-македонском диалекте. Г. Шпет переживал трагедию мнимого отсутствия эллинизма в русской философской культуре и мечтал о настоящей философии, формирующей единое культурно-философское сознание. Взгляды Г. Шпета на пути формирования настоящей философии получили отражение в произведениях, опубликованных в серии «Российские Пропилеи», и его эпистолярном наследии [Шпет, 2005 а; Шпет, 2005 б; Шпет, 2006; Шпет, 2007; Шпет, 2010; Шпет, 2020].

Наиболее яркое выражение процессов формирования цивилизационного самосознания в советскую эпоху получило в жизни и творчестве выдающейся пианистки Марии Вениаминовны Юдиной (1899–1970). Перипетии ее творческой судьбы и жизни, ее человеческие коммуникации нашли отражение в богатом эпистолярном наследии. М.В. Юдина вела активную переписку с С.С. Прокофьевым, Д.Д. Шостаковичем, Б.Л. Пастернаком, Н.А. Заболоцким, С.Я. Маршаком, М.М. Бахтиным, А.И. Неусыхиным, Д.И. Митрохиным, Р.Р. Фальком, М.В. Алпатовым, С.М. Михоэлсом, семьей Флоренских-Трубачевых, Ю.А. Шапориным, М.Ф. Гнесиным, И.А. Браудо, К.И. Чуковским, К.Я. Голейзовским, И.Г. Эренбургом, Е.А. Евтушенко, Н.Я. Мандельштам. Плодотворный диалог М.В. Юдина вела с выдающимися деятелями русской музыки, находящимися в эмиграции: И.Ф. Стравинским, П.П. Сувчинским, Н.А. Малько, а также с зарубежными композиторами и музыковедами – К. Штокгаузенем, П. Булезом, А. Жолива, О. Мессианом, К. Сероцким, Б. Пилярским, Ф. Прабергом, Дж. Баланчиным. М.В. Юдина принимала активное участие в организации визита И.Ф. Стравинского в Советский Союз в сентябре 1962 г., его выступления в Большом зале Московской консерватории. Явление Стравинского она воспринимала как мессианское.

В подготовку публикаций переписки М.В. Юдиной и ее комментарий внес неоценимый вклад А.М. Кузнецов. Публикация переписки была осуществлена в серии «Российские Пропилеи» по годам: 1918–1945; 1946–1955; 1956–1959; 1959–1961; 1962–1963; 1964–1966; 1967–1970. В последнем томе переписки открывалась вся панорама необычайного и уникального творчества Марии Юдиной, которое оказало глубокое влияние даже на такую грандиозную фигуру XX в., как И.В. Сталин.

М.В. Юдина в 19 лет крестилась в храме Спаса на Крови в Санкт-Петербурге. Решилась на постриг монашеский, доверив его Серафиму Умиленному, который 39 лет отсидел на Соловках: Серафим Соловецкий патриарх, и взяла имя в его честь. Очевидно, что на такие поступки в жизни может решиться не каждый человек. Это – церковное событие. Но какое драматическое событие пережила М.В. Юдина в своей светской жизни!

В 1943 г. М.В. Юдину пригласили выступить в прямом эфире по первой программе радио с фортепианным Концертом № 23 Моцарта. Концерт в исполнении Юдиной прослушал И.В. Сталин, позвонил начальнику радиокомитета и попросил прислать ему запись концерта. Авральным путем эта запись была сделана и представлена Сталину. И.В. Сталин в тот же день дал распоряжение передать Юдиной конверт с деньгами (20 тыс. руб.) и присудить Сталинскую премию первой степени.

Получив конверт, М.В. Юдина написала письмо И.В. Сталину: «Денно и ночью я буду молиться о том, чтобы Вам были прощены чудовищные злодеяния, которые Вы совершили против Вашего народа. Я отказываюсь от Сталинской премии, а деньги посылаю на ремонт храма и во спасение Вашей души» [Блаженный Иоанн, 2010]. Принятие И.В. Сталиным нравственного упрека от М.В. Юдиной представляется парадоксом.

И.В. Сталин – верховный главнокомандующий Советской Армией, имеющий фактически неограниченную власть и руководящий военными действиями против нацистского воинства, освобожденного фюрером *от совести*. Как быть с моральными нормами в этой ситуации? Этот парадокс исчезает, если принять во внимание, что М.В. Юдина высказывает упрек от имени Бога и обещает молиться за Сталина и просить для него прощения. Если православие – это феномен мировой цивилизации, то М.В. Юдина выступала как ее представитель и обращалась к ее действительному хозяину, к Богу. Это – путь освоения моральных универсалий.

В то критическое время И.В. Сталин принял эту логику. Как оказалось, в моральном смысле можно выйти из мировой цивилизации и войти в мировую цивилизацию, не меняя своего географического положения. Очевидно, что Сталин открыл для себя великую цивилизационную силу морали, которая превратилась в ключевой фактор победы над фашистской Германией. Другим ключевым фактором вхождения в мировую цивилизацию является

постижение культурных особенностей народов и наций окружающего мира.

Это плодотворный, но в то же время опасный путь. Простое заимствование иной культуры может означать *потерю своего лица, утрату самоуважения*. Это и случилось с представителями неолиберальной тусовки в России с катастрофическими последствиями для страны.

Вхождение в мировую цивилизацию как адекватное постижение культурной специфики народов – это сложный процесс познания и концептуальное постижение другой культуры как практики жизни при сохранении сущности своего «Я». Это – *процесс формирования в познании понимания другого субъекта*. Это – *уникальная способность* уникального таланта. Такой способностью обладал А.Н. Веселовский (1838–1906). Он исследовал литературные явления в контексте развития культуры, историю литературы как историю культурной мысли. А.Н. Веселовский – издатель исторической поэтики как «единой» книги высшего научного синтеза. К созданию такой книги, как отметил Б.М. Энгельгардт, он стремился всю жизнь, влекомый таинственным инстинктом гениального ученого [Веселовский, 2006, с. 10]. Он видел историю образования, культуры, общественной мысли настолько она выражена в поэзии, науке и жизни. Это именно тип специфического цивилизационного мышления. А.Н. Веселовский стремился оформить его в систему, добиться классической зрелости и завершенности своего учения, отталкиваясь от и продолжая его философскую линию размышлений.

В 2006 г. в серии «Российские Пропилеи» была опубликована книга А.Н. Веселовского «Историческая поэтика», в которую вошли такие его работы, как «Из введения в историческую поэтику», «Определение поэзии», «История поэтического стиля», «Поэтика сюжетов» [там же]. В 2011 г. было опубликовано новое издание «Исторической поэтики» [Веселовский, 2011]. Как заметил И.О. Шайтанов, у нас он имеет репутацию великого человека, который вечно ошибался. А на Западе его не воспринимают никак. Можно сказать, что в работе Центра гуманитарных научно-информационных исследований произошло новое открытие гениального ученого.

В 2009 г. была опубликована книга А.Н. Веселовского «Избранное: традиционная духовная культура». В 2010 г. была опубли-

кована книга «Избранное: На пути к исторической поэтике». В 2015 г. была осуществлена очередная публикация «Избранное: Критические статьи и заметки». Для нас смысл этих публикаций заключался в том, что в них мы видели реальную практику становления и совершенствования синтетического цивилизационного мышления.

Так, характерное суждение об образе св. Георгия: «Легенды о Георгии обещали исследователю богатую жатву. Они недаром обратили на себя внимание филологов, ориенталистов, мифологов. Вопросы, ими поднимаемые, разнообразны: Георгий перешел не только в народные поверья, но и в обряды; с другой стороны, его каноническое и апокрифическое житие возбуждали догадки об их взаимных отношениях и, далее, об их основе и ее конечных источниках, теряющихся в зыбях какого-нибудь малоазиатского или египетского культа» [Веселовский, 2009, с. 7].

Специалисты придают особое значение публикации работы А.Н. Веселовского «Легенда о св. Граале. 1872–1904» [Веселовский, 2016 а]. «Граалеведение Веселовского, – пишет М.В. Пашенко, – разбивает многие клише, приставшие к идее Грааля и к репутации исторической поэтики» [там же, с. 412]. «Историческая поэтика не доктрина, а метасистема поиска закономерностей литературного процесса в ту или иную эпоху, где метод обобщения подчинен методу выстраивания рядов конкретных фактов» [там же, с. 413]. В системе исторической поэтики первотекст методологически понят как (1) текст – документ, отразивший историческое событие, (2) текст – символ, переформатирующий ветхозаветного человека в новозаветного, (3) текст – моделирующая система, импульс к новому, от которого искры заряженных мотивов разлетались во времени и пространстве [там же, с. 414].

Широта научных интересов А.Н. Веселовского получила отражение в публикации, посвященной культуре итальянского и французского Возрождения [Веселовский, 2016 б]. В 1862 г. А.Н. Веселовский получает казенную стипендию для учебы за границей, слушает лекции в Берлинском университете, совершает поездку в Прагу и австрийскую Сербию. Годы, проведенные в Италии (1864–1867), стали школой его научной работы. В исследовании итальянского Возрождения А.Н. Веселовский поднимается до осмысления его противоречий, противопоставляя придворно-аристократическому



классицизму XV–XVI вв. ранний период литературы Возрождения (Данте, Боккаччо, Петрарка) [Веселовский, 2016 б, с. 479].

Особенность теоретического подхода А.Н. Веселовского состоит в том, что он не «входит» в мировую цивилизацию, а *находит пути формирования теории мировой духовной культуры*. Как отмечает академик В. Жирмунский, А.Н. Веселовский один из первых вывел и изучение русской литературы из национальной изолированности, поставив ее в центр международного культурного и литературного общения [там же, с. 483].

Последняя большая работа А.Н. Веселовского была посвящена творчеству В.А. Жуковского [Веселовский, 2016 в]. Как отмечал А.Е. Махов, «книга Веселовского не расширяет историческую поэтику и не служит построению некой “поэтики творчества” <...> она открывает новую территорию на границе психологии и теории искусства» [там же, с. 11]. Можно определенно утверждать, что гений Веселовского состоит не во «вхождении» в мировую цивилизацию, а в реальном движении в направлении создания теории формирования мировой духовной культуры. Литература как предмет исследования играла в этом процессе ключевую роль.

В российском гуманитарном знании родилась еще одна уникальная фигура, которая реально продвинулась в толковании той субстанции, которая определяла характер духовной сущности мировой цивилизации. Эта фигура постоянно находилась в поле зрения Центра гуманитарных научно-информационных исследований. *Это был Виктор Васильевич Бычков.*

В своем фундаментальном автобиографическом труде [Бычков, 2019] Виктор Бычков помещает свое концептуальное заключение, которое звучит как удивительный парадокс, совпадающий с цивилизационной истиной. «Египетский парадокс: искусство, ориентированное на смерть и то, что за смертью, дает сегодня мощнейший импульс для жизни. Жизни в этом мире. Одухотворяет ее неведомо какими силами. <...> Между тем здесь реально подтверждается (и архитектурой храмов, и системой росписей, и самим характером духовной энергетики), что вся наша культура и наша духовность (и античная, включая древнеиудейскую, и христианская, и, вероятно, исламская) ведут свое происхождение отсюда. Здесь, в долине великого Нила, наш Источник. Формы актуализации на разных этапах истории различные, но дух (точнее, Дух) – один» [там же, с. 429].

Исследовательские труды Виктора Бычкова раскрывают смысл вхождения России в мировую цивилизацию и процесс ее созидания. *Вхождение* России определялось принятием христианства, которое, охватывая различные страны и народы, обрело свой экуменический смысл. Вместе с тем, принимая христианство и превращая его в самосознание народа, Россия формировала тот специфический дух народа, который воспринимался на Западе как *загадка русской души*.

Расшифровать эту загадку пытались с помощью евангелических таинств, с помощью евангелических образов Марфы и Марии. Иисус Христос остановился у сестер, и Марфа занялась приготовлением большого угощения, тогда как Мария села у его ног и слушала его Слово. Когда Марфа попросила Христа направить Марию к ней для приготовления угощения, Иисус сказал: «Марфа, Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благу часть, которая не отнимется у нее» [Лук. 10:38–42].

*Благая часть* – это душа.

Духовная сущность России отождествлялась с образом Марии.

В.В. Бычков осуществил расшифровку смысла *вхождения* России в мировую цивилизацию через принятие христианства и вместе с тем ее участие в созидании мировой цивилизации через многовековую практическую расшифровку христианской культуры *sub specie aesthetica* [Бычков, 2016] и ее воздействие на формирование красоты души русского человека. Рассмотрение концепции человека, эстетики отрицания, творения как творчества, эстетики космического бытия, возвышенного характера красоты, расцвета символического мышления в золотой век патристики, эпохи Ареопагитик, раскрывающей путь к божественной трансцендентности, эстетики аскетизма, эстетики иконоборцев, эстетики духовных озарений, эстетики гуманистов, литургического символизма, много мудрого смысла иконы и раскрытие смысла прений об истине икон на пороге Нового времени – все это обнажило несостоятельность представлений о неизбежности формирования духовного и интеллектуального примитивизма в России именно в силу того, что она осваивала сущность христианства через свою внутреннюю связь с Византией [Бычков, 2017].

В. Бычков представил наиболее полное в мировой науке концептуальное исследование византийской эстетики. Исследова-

ние эстетики Блаженного Августина показало, что в его творчестве преломились представления многих античных философов, таких как Плотин, Цицерон, Эпиктет, апологетов II–III вв. Античная культура становилась достоянием русского менталитета.

XX век характеризовался подъемом волны неонклассики, которую В.В. Бычков характеризовал как активную фазу бифуркации, глобального взрывоподобного перехода (скачка) от культуры к чему-то принципиально *иному*. Очевидная, лежащая на поверхности истина состоит в том, что эпоха мировых войн, инициированных политикой Запада, и революций лишила цивилизационной почвы цивилизационную эстетику, на основе которой формировалась красота души человека. *Человек становился качественно иным*.

В.В. Бычков относил причину бифуркации культуры к взрыву научно-технических изменений или, возможно, к космоантропным изменениям, пока недоступным нашему пониманию [Бычков, 2016, с. 400]. Вместе с тем он отмечал, что «Русский Серебряный век явился своего рода лебединой песней культуры перед ощущением ею своей гибели в результате, прежде всего, отказа человечества, его творческой и интеллектуальной элиты от веры в какую-либо метафизическую реальность, утрата вкуса к метафизике как жажде высшей умопостигаемой, но прежде всего – умонепостигаемой реальности, в результате оскудения духовности в человеке» [там же, 16].

Обращаясь к истинам происхождения неонклассики, В.В. Бычков обратил внимание на две поразительные картины начала XVI в. – знаменитое «Распятие» Матиса Нитхарта и «Смерть Христа» Ганса Гольбейна Младшего, на которых изображено почти разлагающееся тело Иисуса, позеленевшее мертвое тело. Эти картины превратились в вопиющий художественный символ реальной и окончательной смерти Бога. «Бог умер! – возгласил ренессансный Разум, а позже этот диагноз подтвердил Ницше» [там же, с. 400].

В.В. Бычков дал расшифровку метафизики эстетического опыта, эстетики Античности, патристики Византии, Древней Руси, России Нового времени, ее западно-европейского направления. Рассмотрел взгляды Владимира Соловьева, раннего Лосева, Ивана Ильина, Николая Лосского, дал анализ основных эстетических категорий, раскрыл смысл искусства как эстетического феномена, основные его принципы. Рождение в серии «Российские Пропилеи»

расшифровки неонклассики как философии современного искусства имело для Центра гуманитарных научно-информационных исследований принципиальное значение. Мы получили квалифицированное представление о конвенциональной эстетике и эстетическом телеологизме современной художественной культуры, о предтечах художественного авангарда, таких как неоимпрессионизм, таких художниках, как Поль Сезанн, Винсент Ван Гог, Поль Гоген, и основных направлениях авангарда – экспрессионизме, кубизме, абстрактном искусстве, конструктивизме, футуризме, дадаизме, сюрреализме.

Особое достоинство исследования В.В. Бычкова заключается в том, что он не занимает сектантской позиции при рассмотрении неонклассики. Неонклассика может восприниматься как деструктивное направление в искусстве, как отрицание эстетики внутреннего мира человека, красоты его души. Но В.В. Бычков прослеживает процесс рождения через посредство неонклассики эстетики вещного мира, созданий человека, превращение их в эстетический предмет окружающей человека действительности.

Неонклассика оперирует паракатегориями, такими как абсурд, жестокость, телесность, вещь, артефакт, симулякр, заумь, интертекст, гипертекст, деконструкция. Это – попытка сущностной эстетизации философии путем использования художественного опыта для расширения возможностей новоевропейской философской традиции [Бычков, 2016, с. 721]. Поскольку высокое неутилитарное искусство изживает себя, то оно теряет право на существование. Ему на смену приходит искусство организации жизни [там же, с. 726]. Это – художественное конструирование, дизайн, организация эстетизированной среды обитания человека. «На этом пути были достигнуты заметные, а иногда и поразительные результаты» [там же]. В.В. Бычков фиксирует и факт рождения постнеклассической сферы формирования принципиально нового эстетического сознания. «Это опыт конструирования художественно-эстетических пространств в электронных сетях Интернета, эстетического восприятия их и интерактивного бытия внутри них» [там же, с. 733].

Современное гуманитарное знание, как адекватное отражение цивилизационной реальности, проникает и в прошлое и в настоящее цивилизационной жизни и вместе с тем устремляет свой взгляд в будущее. Процесс постижения целостности цивилизационной эволюции подталкивает к созданию фундаментальных энциклопедических и справочных трудов, в методологии которых

могут органически сочетаться достижения различных специальных дисциплин.

Поскольку в работе Центра происходит естественное сочетание деятельности специалистов в области философии, культурологии, языкознания и литературоведения, то их взаимодействие создает благоприятную возможность для формирования синтетического цивилизационного знания и привлечения сотрудников различных академических институтов для создания сериальных, энциклопедических и справочных изданий.

В Центре удалось организовать подготовку и выпуск в свет монографических работ в сериях «Лики культуры», «Книга света», «Российские Пропилеи», «Summa culturologiae», «Письмена времени», «Humanitas». Была организована подготовка и выпуск антологий и справочников в различных областях гуманитарного знания.

В серии «Культурология. XX век» была опубликована «Антология исследований культуры. Том 1: Интерпретация культуры» [Антология исследований, 1997], основу которой составляют публикации ученых, принадлежащих к американской и английской антропологической школам. В этом же году был опубликован словарь «Культурология. XX век» (1997), который представлял собой попытку очертить границы культурологии как интегративной области знания.

В 2001 г. в серии «Humanitas» вышла в свет антология «Путь в философии», в 2006 г. антология «Русская историософия», в 2013 г. антология «Синергетика». В 2000 г. в серии Summa culturologiae были опубликованы портреты историков (Том 1. Отечественная история, Том 2. Всеобщая история). В том же 2000 г. в этой серии был опубликован «Словарь персонажей русской литературы. Вторая половина XVIII – XIX в.». В 2003 г. в этой серии был опубликован «Словарь средневековой культуры» и «Лексикон неклассики. Художественно-эстетическая культура XX века». В 2002–2003 гг. были опубликованы сборники статей «Отечественные лингвисты». Ч. I: А–Л; Ч. II: М–С; Ч. III: Т–Я. В 2017 г. опубликовано новое издание монографического исследования «Отечественные лингвисты XX века», дающее представление о полувековом периоде в истории отечественной науки о языке.

В 2016 г. в серии «Humanitas» был опубликован «Словарь по психоанализу», авторами которого являются Жан Лапланш и Жан-Бертран Понталис. В том же году в серии «Humanitas» – словарь

«Философы Франции» и книга «Западная философия XX – начала XXI в. Интеллектуальные биографии». В 2017 г. в серии «Книга света» была опубликована работа «Собрание песка и камней в истории японской философской мысли». Том 1 «Собрание песка и камней». Том 2 «Исследование. Автор Надежда Трубникова». К ней примыкает опубликованная в серии «Humanitas» книга «Путь японской культуры». Авторы Е.Л. Скворцова и А.Л. Луцкий. К информационному исследованию относится и опубликованная в 2011 г. книга «Литературный обычай Древней Руси». Автор Андрей Каравашкин.

Осуществляемая информационно-справочная работа, как и эффект ее воздействия, – это научение синтетическому цивилизационному мышлению, без которого трудно представить создание реальных энциклопедий в области гуманитарного знания. Специфика энциклопедий в области гуманитарного знания определяется тем, что их предмет – это определенная сфера науки или определенный тематический предмет или субъект. Энциклопедичность как качество фундаментального исследования – это достижение целостного представления о предмете, имеющем бесконечное количество свойств, аспектов и характеристик.

Когда в качестве предмета энциклопедии оказывается становящаяся область науки, то тогда сама энциклопедия обретает эволюционное свойство. В 1998 г. увидела свет двухтомная энциклопедия «Культурология. XX век». Во вступительной статье главный редактор проекта С.Я. Левит отмечала, что «Культурология. XX век» представляет собой попытку очертить границы культурологии как интегративной области знания, что она не может довольствоваться аналогом индивидуальных форм человеческой культуры. Она стремится к универсальной синтетической точке зрения, включающей все индивидуальные формы. Соответственно, издание энциклопедии «Культурология. XX век» оценивалось как *начало трудного пути*. Издание первой энциклопедии культурологии было концептуальным прорывом, вносящим упорядочивающую систему в сферу сложного и противоречивого знания. Это был важнейший шаг на пути формирования культурологии как науки.

В 2007 г. в серии «Summa culturologiae» публикуется двухтомное фундаментальное издание энциклопедии «Культурология». Глав-

ный редактор С.Я. Левит в предисловии к изданию отмечала, что в энциклопедии определяющим является системно-аналитический подход, использующий методы и принципы гуманитарных наук, по отношению к которым культурология выступает как своеобразная «метанаука». Энциклопедия включает статьи по тематическим разделам: основные школы, направления, стили, движения [Культурология, 2007, с. 9].

Десять лет интенсивных исследований явились основанием нового качества энциклопедии «Культурология». Это новое качество находит и свое количественное выражение.

Концептуальным прорывом в подготовке и выпуске энциклопедий стало создание «Литературной энциклопедии русского зарубежья (1918–1940)». Главный редактор и составитель А.Н. Николюкин. Особенность этой энциклопедии заключалась в том, что ее предметом стало цивилизационное явление русской культуры вне России, в зарубежной духовной и политической среде.

Концептуальная разработка содержания энциклопедии логически привела к созданию ее четырех томов: первый том (1997) включает статьи о писателях русской эмиграции; второй том (2000) посвящен периодическим изданиям и литературным центрам русского населения; в третьем томе (2002) охарактеризованы важнейшие книги писателей, литературных критиков и мемуаристов первой волны эмиграции; в четвертый том (2006) включены статьи о восприятии и оценках русским зарубежьем отечественных и иностранных писателей.

В заключительном четвертом томе представлены материалы, которые позволяют увидеть панораму литературной и культурной жизни русских за рубежом как часть национальной культуры и литературы XX в., временно разделенной, но остававшейся целостной в своей основе.

Значительное расширение диапазона литературоведческих исследований породило потребность создания энциклопедии терминов и понятий, которые стали входить в оборот филологической науки [Литературная энциклопедия..., 2001]. В энциклопедию вошли термины и понятия, отражающие взаимосвязи науки о литературе с культурологией, философией, эстетикой, лингвистикой, социологией. Обширный слой понятий относится к истории литературы русского зарубежья. Значительный пласт новых терминов связан с концепциями и школами литературоведения стран Запад-

ной Европы и США. На выход энциклопедии оперативно откликнулось «Книжное обозрение» (№ 43, 22 октября 2001 г.), заметив, что тот, у кого эта книга будет под рукой, уже никогда не спутает имажистов с имажинистами, отчуждение с очуждением, парафраз с перифразом.

В 2010 г. был опубликован энциклопедический путеводитель «Европейская поэтика от Античности до эпохи Просвещения». Под общей редакцией Е.А. Цургановой и А.Е. Махова. Это первое в нашей стране научное издание, представляющее развитие европейской поэтики как теории словарного творчества за два с половиной тысячелетия. Авторами использовано свыше 500 источников, большая часть которых не переводилась на русский язык. Создатели этого фундаментального исследования совмещают два подхода: исторический, характеризующий развитие поэтики в главных странах Европы, и системный, очерчивающий общую систему поэтики в ее эволюции.

Авторы методологически исходят из рассмотрения платоновской дилеммы правды и лжи в поэзии, ее исторических решений вплоть до последнего решения, когда поэзия и не лжет и не говорит правду. Эта проблема имеет прямое отношение к определению смысла цивилизационного знания. Аналогичным образом определяется осмысленный подход к отношению поэтики к другим искусствам и наукам. Отмечается, что идея поэзии как оболочки для философских истин проявляет значительную устойчивость [Европейская поэтика..., 2010, с. 19].

Впервые в нашей стране были осуществлены исследования и опубликование энциклопедии «Западное литературоведение XX века» (2004). Главный редактор Е.А. Цурганова. Концептуальный состав энциклопедии образуют 177 аналитических статей, в которых рассматривается специфика каждой литературной школы, парадигма составляющих ее терминов и понятий. В энциклопедию включены 613 справочных статей, содержащих биобиблиографические данные и концептуальную характеристику литературоведов и литературных критиков. Проблемы литературоведения анализируются в тесной связи с языкознанием, философией, историей, культурологией, социологией, психологией и искусствоведением.

Уникальный опыт создания энциклопедических изданий получен в Центре в связи с подготовкой и выпуском в свет «Розанов-



ской энциклопедии» (2008). В отечественной энциклопедистике примером персональной энциклопедии явилась «Лермонтовская энциклопедия», подготовленная Пушкинским Домом. Энциклопедия включает в себя два раздела. В первый входят статьи о современниках В.В. Розанова и исторических персонажах. Второй раздел составляют темы творчества В.В. Розанова, статьи и сведения о книгах Розанова, о газетах и журналах, в которых он печатался. Наряду с аналитическими статьями в тематической части помещаются антологические статьи, представляющие собой наиболее важные высказывания В.В. Розанова и его современников по рассматриваемым проблемам, в тематических статьях, круг которых определен самим В.В. Розановым. Для написания статей, помещенных в энциклопедию, были привлечены 110 специалистов. Розановская энциклопедия подводит итоги розановедения к началу XXI в.

Энциклопедии, созданные в Центре, имеют ту особенность, что *они представляют собой фундаментальные научные исследования и в то же время они обладают профессиональной информационной спецификой*. Тем самым они определяют профиль ИНИОНа как академического института, владеющего своим специфическим предметом научных исследований.

### 3. Особенность гуманитарной науки

Процессы формирования информационных оснований гуманитарного знания создавали предпосылки анализа происходящих процессов в стране и в мире с высокого цивилизационного уровня, определения в формах национальной и региональной специфики проявления общности цивилизационных тенденций. Вопрос о том, в чем реально состоит эта общность, давно волновал умы ученых всего мира.

Одним из исследователей XX в., в открытой форме поставившим эту проблему, был немецкий социолог Норберт Элиас (1897–1990). В 2001 г. в серии «Книга света» было опубликовано двухтомное исследование Норберта Элиаса «О процессе цивилизации» (2001). Исследователь связывал цивилизационные изменения с всеобъемлющим социальным развитием, предстающим в

своем главном проявлении как длящаяся столетиями волна прогрессирующей интеграции, дополняемая процессом прогрессирующей дифференциации. Становление структуры личности и формирование социальной структуры, считал Норберт Элиас, происходит в неразрывной взаимосвязи данных процессов. И «мы никогда не можем с определенностью утверждать, что люди какого-то общества *являются* цивилизованными» [Элиас, 2001 а, с. 13]. С этим понятием совсем не обязательно связана мысль о том, что «стать цивилизованнее» означает стать лучше или хуже, что данное высказывание несет в себе какую-то позитивную или негативную оценку [там же].

Норберт Элиас обратил особое внимание на причину утраты внимания к проблемам становления и развития общественных формаций. Он видел ее в том, что теоретические модели длительного развития в том виде, в котором они разрабатывались в XIX в. И. Кантом, Г. Спенсером, К. Марксом и многими другими, отчасти покоились на гипотезах, преимущественно зависевших от политико-мировоззренческих идеалов этих мыслителей [там же, с. 16]. Если раньше преобладали представления в духе Гераклита, утверждавшего, что «все течет» и теперь течет к лучшему, то теперь возобладали идеи элэатов: полет стрелы, т.е. развитие общества, представляется как сумма состояний покоя, звеньев статического типа общества.

Норберт Элиас отмечал, что хотя прогресс сделался фактом, но для многих людей он в то же самое время перестал быть идеалом [там же, с. 21]. Разочарование в идеалах прогресса связано с *перспективой новой войны*. Не классы, а нация видится в качестве идеала. Эмоционально и идеологически нация кажется высшей ценностью для представителей обоих промышленных классов. Нация воспринимается как нечто вечное и в основных чертах неизменное. Английская, немецкая, французская, американская или итальянская нации наделяются непреходящим характером в сознании тех, кто к ним принадлежит [там же, с. 22]. Они продолжают опережать в развитии неевропейские народы. Однако возникшее во времена безусловного господства европейских наций представление о их неоспоримом превосходстве серьезнейшим образом поколеблено [там же, с. 23]. Однако они укрепились в мысли, что их господство над другими народами является выражением некой вечной миссии. Это идеальный образ самих себя. Признаки утраты

полноты власти застали их врасплох. С позиций их национального образа, их идеала в качестве высшей ценности для всего человечества, будущее выглядит разочаровывающим.

Н. Элиас, исследуя социогенез западной цивилизации, рассматривал особенности придворного общества, абсолютизма, механизма общественного развития в Средние века, пути возвышения королевского дома, механизмы возникновения монополии, конкурентной борьбы в границах королевства, конкуренции принцев, распределения власти и окончательного установления монополии победителя.

В проекте теории цивилизации Н. Элиас рассматривал проблемы социального принуждения к самоконтролю, подавления влечений, роста зависимости высшего слоя и давления на него снизу. Этот анализ позволил ему сформулировать общие выводы, которые выглядят как описание непреложных свойств цивилизационного процесса. Что это за свойства?

В конкурентной «борьбе за выживание» постепенно поднимаются немногие, а затем победу одерживает *один* из конкурентов. Победитель формирует монопольный центр государства, в рамках которого совершается переход от свободной конкуренции к сети взаимосвязей более высокого порядка [Элиас, 2001 б, с. 315]. Такие государства образуют систему равновесия свободно конкурирующих союзов. Мы вновь видим соперничающие единицы власти, где каждый находится под угрозой утраты самостоятельности; если он не становится сильнее, то делается слабее и попадает в зависимость от других государств [там же]. Идет борьба за превосходство, за центральную монополию, за континентальное превосходство, пока не становится борьбой за все обитаемые территории планеты [там же].

Конкуренцию между государствами нет смысла изображать так, будто конечной их целью является добыча большего количества «золота» или экономических выгод, а расширение территории, укрепление военно-политического могущества оказывается некоей маскировкой для такого рода целей или средствами их достижения [там же, с. 316]. Экономика и политика совместно производят социальную сеть со специфическими противоречиями. Они совместно образуют цепи, связывающие людей друг с другом [там же].

Многие индивиды желали остановить это движение. Однако весь ход предшествующей истории показал, что действующий

здесь механизм всегда был сильнее подобных желаний [Элиас, 2001 б]. Хотя книга «О процессе цивилизации» была опубликована в Швейцарии в 1939 г., описанную Н. Элиасом картину борьбы за превосходство между конкурирующими властными центрами в полной мере можно отнести и к нашему времени.

Нет ответа только на один вопрос: поскольку эта картина верна, то очевидно из *нее следует и неизбежность войны* за глобальное господство, в итоге которой должен одержать победу... кто? или что? В этом пункте логика рассуждений дает сбой: *победы быть не может*, так как вся человеческая цивилизация в итоге глобальной войны исчезнет с лица земли. Исторически сформировавшаяся «логика» процесса цивилизации, действующая как истина бытия человечества и в наши дни, *влечет человечество в ситуацию небытия*. Следование этой логике превратит планету Земля в марсианскую пустыню.

*Каким образом может быть изменена логика цивилизационного процесса? И возможно ли такое изменение?* Это и есть фундаментальная проблема современного гуманитарного знания. Осознание сущности этой проблемы заставило нас обратиться к рассмотрению категорий самосознания как путей, движение по которым является правильным с позиций цивилизационного самосохранения. Выход человечества из цивилизационного кризиса связан не с экономикой, не с достижением финансового превосходства, а с самосознанием, с характером принимаемых центрами власти решений. От нажатия заветной кнопки стала теперь зависеть судьба человечества.

Первый вопрос, который следовало прояснить, – это смысл самосознания России, смысловое содержание **русской идеи**, которая выступает основополагающим мотивом цивилизационного поведения страны в современной ситуации.

В журнале «Человек: Образ и сущность» всесторонне освещались представления русских мыслителей о существе «русской идеи». Ф.М. Достоевский видел в ней синтез всех идей, которые развивает Европа в отдельных своих национальностях [Андреева, 2002, с. 104], Н.А. Бердяев – в братстве народов искание всеобщего спасения [там же]. Национальное самосознание базируется на общности святынь, тогда как неолиберальное рыночное доктринерство привело к эрозии общности национального самосознания, межэтнической неприязни, господству групповых интересов.

Предлагалась адекватная расшифровка известной формулы русской идеи – «*православия, самодержавия и народности*», принадлежащей министру просвещения при Николае I С.С. Уварову. С точки зрения И.А. Ильина, православие исторически превратилось в ядро русской культуры. Самодержавие рассматривалось как либеральная диктатура, способная спасти Россию от анархии и затяжных гражданских войн. Как считал Н.О. Лосский, главное устремление русской идеи – искание добра для всего человечества [Андреева, 2002, с. 109].

В этом контексте на страницах журнала анализировались последствия реализации в России западных концепций и следования указаниям американских советников. Это практическая проверка тезиса лидера кадетской партии П.Н. Милюкова. Он считал, что «тот кто ищет в России Евразию, может попасть в Азиюпу». Отмечалось, что если Азиопа по своему определению – это извращение принципа правления демократии, основанного на *законе*, и принципа единоличного правления, основанного на *традиции*, то в 1990-е годы в России были реализованы идеи Азиопы: свобода превращается в *вольницу*, попирающую все правовые нормы и нравственные принципы, а единоличное правление – в *произвол вожжа*, который наказывает и милует по правилам, действующим в криминальных структурах: получается, что тот, кто ищет в России Запад, попадает прямым путем в Азиюпу [Человек..., 2002, с. 9].

Азиопа – это путь самодеструкции цивилизации. Отдельный выпуск журнала (2003) был посвящен расшифровке цивилизационной сущности *слова*. Исследователь сталкивается с загадкой магической, сакральной силы слова. Такое слово из «элементарной частицы» языка превращается в *Слово* как исходный принцип цивилизационного бытия. Культура как форма цивилизационного самоопределения вырастает из магии слова, его сакрального смысла. Слово воспринимается как возможная первопричина «расщепления» мира на противоположности и как средство установления гармонии между различными частями целого. Слово превращено в средство формирования образа *врага*.

Самосохранение цивилизации связано с сущностью слова, несущего цивилизационную *истину*. Если слово как фактор духовного влияния отрывается от истины своего смысла, то оно превращается в деструктивный фактор.

Россия испытывает на себе влияние заведомо ложного словоупотребления. Система отступления от точного словоупотребления, смешение слов может становиться столь же опасным, как и соединение химических элементов, образующих взрывчатое вещество. При таком смешении обычное убийство может быть представлено как священное возмездие, агрессия как акт самозащиты, геноцид — как механизм совершенствования человеческой расы [Человек..., 2003, с. 10].

Цивилизация превращает слово в онтологию реальной жизни. Осознание цивилизационного целого оказывается возможным тогда, когда сакральное слово становится предпосылкой формирования образа — схемы, определяющей общую стратегию массового поведения. Как сказал Осип Мандельштам, «все другие различия и противоположности бледнеют перед разделением ныне людей на друзей и врагов слова» [там же, с. 185].

В публикуемых в журнале трудах был раскрыт цивилизационный смысл фактора *диалога* культур в ситуации углубления политической взаимозависимости государств, рождения информационной галактики, интенсификации миграционных процессов и интенсификации межкультурных противоречий [Человек..., 2004]. Процессы глобализации, изменение языковой ситуации приводят к тому, что индивиду и обществу приходится заново самоопределяться и фиксировать свою идентичность на разных уровнях языковой и культурной общности. Судьбы языков и культур становятся неопределенными. Языковая утрата считается крупнейшей катастрофой в области экологии языка [Человек..., 2005, с. 7–8]. Эти процессы создают ситуацию цивилизационной неопределенности, стимулируя психологию ненависти и акты агрессии.

Ситуация цивилизационной неопределенности оказывает воздействие на философскую мысль. В центре этого анализа находится постмодернизм как цивилизационное явление. Постмодернизм оценивался на основе раскрытия его глубинных корней, уходящих в цивилизационные сдвиги XX столетия. Это позволило увидеть в постмодернизме не тривиальную игру в парадоксы, а отражение кризиса позитивистской ментальности в понимании специфики цивилизационной реальности как субъект-объектной в своей сущности. Постмодернизм стал отождествлять эту реаль-

ность с текстом, демонстрируя равнодушие к проблеме самосохранения цивилизации.

Одной из основополагающих категорий сохранности цивилизации, цивилизационного мышления, является категория *семьи*. Особую актуальность в цивилизационном смысле приобрела проблема *подлинности* семьи. Эта проблема связана с толкованием правил образования семьи. Эти правила, их характер определяются *хронотипом*, в котором выражается доминирующий тип ментальности в реальности данного цивилизационного времени. Это рождает свои парадоксы. Так на Западе появляется форма наслаждения *знанием о сексе* и связанными с ним дискуссиями. И это знание оформляется как наука. Узакониваются однополые браки.

Действительные формы поведения человека в семейном контексте опираются на две категории: категорию *гармонии* и категорию *абсолютного*. Эрозия современной семьи связана с исчезновением личности, превращением ее в *личину* [Человек..., 2007, с. 7–21], и этот процесс затрагивает самосохранение цивилизации. Особое внимание в Центре уделялось проблемам парадигмы взаимодействия гуманитарного знания и информации [Человек..., 2008], отношение человека к миру киборгов [Человек..., 2009], человека и его когнитологического образа [Человек..., 2010].

Выпуск журнала за 2011 г. был посвящен анализу надвигающейся экологической угрозы. Предотвращение этой угрозы связывалось с фундаментальным сдвигом в цивилизационной политике. Изменение ориентаций в экономике и ментальности современного человека анализировалось под углом зрения истины пасторали.

Перед нами стояли те вопросы, которые ставил Норберт Элиас: можем ли мы считать наших современных людей цивилизованными? Изменилось ли представление западных наций о их неоспоримом превосходстве и о их вечной миссии господства над другими народами? Может ли измениться характер конкурентной борьбы за превосходство, за центральную монополию, в которую превращаются все обитаемые территории планеты? Это – все то, что влечет за собой в наши дни угрозу тотальной цивилизационной катастрофы. Очевидно, что ответы на эти вопросы упираются в адекватное понимание того общего, универсального фактора, который определяет тот или иной характер цивилизационной эво-

люции на нашей планете. Гуманитарная мысль давно бьется над этой проблемой, давая на нее различные ответы. Несмотря на эти различия, все они представляют теоретический интерес, поскольку содержат в себе, если и не всю полноту, то во всяком случае «зерно» истины. Эти «зерна» мы и извлекаем из публикаций выдающихся ученых Запада и России.

В этом контексте следует выделить позицию Макса Вебера, который анализировал пути переформатизации бизнеса, превращения его в форму высокой творческой деятельности, которая в своей подлинной самореализации не может иметь катастрофических цивилизационных последствий. В этом смысле ключевое значение Макс Вебер придавал слову *призвание* (Beruf). «Совершенно очевидно, – писал он, – что в немецком слове “Beruf” и, быть может, еще в большей степени в английском “calling” наряду с другими мотивами звучит религиозный мотив – представление о поставленной Богом задаче, и звучит тем сильнее, чем больше в каждом конкретном случае подчеркивается это слово» [Вебер, 2017 а, с. 43].

Пафос нравственной переформатизации сохранялся и в других работах Макса Вебера. В работе «Хозяйственная этика мировых религий» Макс Вебер писал: «Иррациональные элементы в рационализации действительности и стали тем прибежищем, куда была оттеснена неустраняемая тяга к обладанию запредельными ценностями, которая становилась тем сильнее, чем больше мир казался им лишенным этих ценностей» [Вебер, 2017 б, с. 59]. Этот путь даровал индивидуальное спасение [там же, с. 60].

Нравственной переформатизации цивилизации не произошло, и мир погрузился в трагический апокалипсис двух мировых войн. Может ли причинная обусловленность конкурентной борьбы за обитаемые территории планеты быть нейтрализована свободным разумом человека? На этот вопрос можно дать ответ в том случае, если удастся понять основной мотив философии: как спасти душевные ценности, конечную цель жизни, смысл мирового процесса, не отказываясь при этом от строго следующего причинности мировоззрения?

Эту проблему и стремился решить Георг Зиммель [Зиммель, 2017]. Он обратил внимание на возможность переинтерпретации категорического императива И. Канта, который устанавливал необходимость следования универсальному нравственному закону в



каждом практическом действии. Это требование относилось к *союзу народов*, как той глобальной общности, которая признает истину категорического императива. Но если носителем категорического императива становится *нация*, претендующая на свое превосходство, то тогда мир получает образование убежденных в своей правоте нацистов. Нацисты были уверены в том, что они являются носителями универсальной нравственной истины.

Своеобразным противовесом интеллектуальной легализации нацизма стал феномен *христианской философии*. Ее носитель – французский философ Этьен Жильсон. Универсализация христианства с помощью философии – это проект преодоления иррациональности веры, соединения веры с рациональной истиной. Жак Маритен, характеризуя философские взгляды Этьена Жильсона, писал, что «Жильсон может с полным правом утверждать, что ни разу не согрешил против истины» [Жильсон, 2004, с. 657].

Христианская философия возвышается над всеми мировыми религиями. Фома Аквинский становится ключевой фигурой всемирной философской мысли. Однако глобальной моральной революции не происходит. Для ее осуществления у Фомы Аквинского было достаточно времени. Метафизика христианской философии малодоступна массе.

Но проблема еще состоит в том, что постижение нравственной истины затрагивает положение субъекта. «Но чем более субъект погружается в субъективное познание, тем более отвращается от познания объективного» [там же, с. 476]. Этьен Жильсон фиксировал факт разрыва между бытием в качестве мыслителя и бытием в качестве человека: «Этот разрыв, который должен быть сведен к минимуму, – никогда не был так велик, как сегодня» [там же, с. 479].

Необходимо преодолеть этот разрыв и определить ту данную в историческом опыте реальность, которая может иметь универсальное цивилизационное значение в определении истины отношений между народами, обеспечивающей их самосохранение. Такой реальностью можно считать *семью*, структура отношений в которой может рассматриваться как образец отношений между народами глобального мира. Семья – момент рода, который обладает потенциальным свойством вечности, бесконечности. Стало быть, если народы мира образуют одну общую семью, то можно считать, что их самосохранение будет обеспечено.

Допущение о возможности расширения цивилизационных функций семейных отношений на отношения государственные подтверждается историческим опытом. В Советском Союзе отношения между союзными республиками характеризовались в общественном сознании как одна общая семья.

Большой интерес с этого ракурса представляет исследование внутрипонских отношений известным американским антропологом Рут Бенедикт [Бенедикт, 2004]. Внутрисемейные отношения, отношения ученика и учителя, работника и хозяина, гражданина и руководителя, власти образуют общую систему культуры взаимных отношений, их твердых правил, нарушение которых вызывает нравственный дискомфорт. Культура взаимных отношений, если она переносится на отношения между народами, определяет условия стабильности цивилизационной эволюции.

Большой интерес вызывает социальное поведение тробрианских островитян, которое описал Бронислав Малиновский. Островитяне участвуют в форме обмена, которая называется *кула*. Они обмениваются ожерельями из красных раковин, которые называются *соулава*, и браслетами из белых раковин, которые называются *мвали*. Этой форме обмена присуще широкое межплеменное распространение на островах, которые образуют кольцо, замкнутый круг. Каждое движение предметов *кула*, каждая деталь сделок фиксируется и регулируется совокупностью традиционных правил и соглашений. Некоторые акты сопровождаются магическими обрядами и церемониями. Полученные предметы держатся некоторое время, а затем передаются дальше. Таким образом происходит обмен предметами, которые не становятся собственностью. Одна сделка не завершает процесс обмена: «один раз в *кула* – всегда в *кула*». Таким образом, *кула* – это постоянно действующая система поддержания и гармонизации системы межплеменных островных отношений [Малиновский, 2004, с. 99–102]. «Этому простому действию – передаче из рук в руки двух бессмысленных и совершенно бесполезных предметов – каким-то образом удалось стать основанием большого межплеменного института, соединенным со многими другими действиями» [там же, с. 103].

В этом контексте следует особо выделить функции символических форм в создании массового цивилизационного поведения. На это обратил внимание Эрнст Кассирер, который поставил вопрос о необходимости коррекции методологии гуманитарного

знания. Постановку этой проблемы он относил к 1910 г. в связи с выходом его книги «Понятие субстанции и понятие функции» (Берлин, 1910 г.) [Кассирер, 2002 а, с. 7]. Полную расшифровку своей позиции он дал в трехтомном исследовании «Философия символических форм» [Кассирер, 2002 б]. Рукопись последнего, третьего тома была завершена к концу 1927 г. Первый том был опубликован в 1923 г.

Э. Кассирер в трактовке особенностей гуманитарного знания исходил из толкования функций универсальных знаков. Он отмечал, что без универсальных знаков невозможно было бы выразить ни одну физическую связь, ни один частный закон природы. Но эта взаимосвязь не ограничивается рамками науки. Она прослеживается и в остальных формах духовного творчества [Кассирер, 2002 а, с. 22]. Проблема, с которой приходится сталкиваться при анализе языка, искусства и мифа, – отмечал Э. Кассирер, – заключается в вопросе, «как вообще чувственно воспринимаемое единичное содержание может стать носителем общего духовного “значения”» [там же, с. 29]. Чудо состоит в том, что ощущаемая нами материя получает всякий раз новую и многообразную духовную жизнь в зависимости от способа воззрения на нее. Стоит физическому звуку оформиться в звук речи, как он начинает выражать тончайшие нюансы мысли и чувства [там же].

Лесли Уайт (1900–1975), американский этнолог и культуролог, дал теоретическую расшифровку цивилизационного смысла символа. «Именно символ, – писал он, – преобразовал наших человекообразных предков в людей и очеловечил их. Все цивилизации возникали и сохранились только благодаря использованию символов» [Уайт, 2004 а, с. 34]. «Символ – это вселенная человечности» [там же].

Поскольку высокие идеи, в том числе и мифологические представления, могут получать конкретное эмпирическое воплощение, то это значит, что в эмпирических формах можно создавать различные смысловые реальности, которые отражают характер *символов*. «Только та часть поведения человека, которая или образуется символизированием, или от него зависит, – считает Лесли Уайт, – и может быть названа в собственном смысле человеческой; все остальное представляет собой чисто животное поведение» [там же, с. 136].

Символ может иметь какую угодно физическую форму: он может иметь форму материального объекта, цвета, звука, запаха, движения объекта, вкуса. Все символы должны иметь физическую форму, иначе они не были бы доступны нашему опыту. Но значение символа не детерминируется его физическими свойствами. Человек придает смысл физическим вещам или событиям, которые тем самым становятся символами [Уайт, 2004 а, с. 37].

Смысл символа нельзя обнаружить с помощью физических и химических исследований. Он постигается несенсорными средствами [там же, с. 38]. Но когда смысл придан слову или в нем обнаружен, его значение становится тождественно его физической форме [там же]. Это – мир знаков.

Человек обладает творческой способностью свободно и активно, произвольно придавать значение вещам. Это *наиболее важная* характерная черта человека [там же, с. 41]. Новые смыслы и новые значения может создавать и давать только человек. После того как смысл придан слову или вещи, его значение при употреблении становится тождественно его физической форме. Человек оказывается окруженным созданным им самим миром знаков.

Лесли Уайт рассматривал и оценивал концепции символа на огромном эмпирическом материале цивилизационной эволюции, церемоний и образов реальных народов, правил охоты и войны, особенностей первобытной культуры и «земледельческой революции», истории искажения туземной религии индейцев-пуэбло, навязывания им католицизма [Уайт, 2004 б]. Это рассмотрение становилось фактическим подтверждением концепции символов, т.е. воплощенных в физические формы символов, которые воспринимались как объективная реальность, отражение которой в сознании человека становилось такой же истиной, как и отражение в теоретической физике свойств материального бытия. Это значит, что истина цивилизационного самосознания человека может быть «построена» мастером цивилизационной культуры.

#### **4. Концептуальный профиль Центра: Логика самосохранения цивилизации**

XX век стал временным и пространственным полигоном, на котором были осуществлены две попытки построения качественно

новых глобальных цивилизаций на основе трактовки истинно цивилизационного самосознания. Обе попытки апеллировали к научному знанию, к науке как источнику объективной истины, диктующей характер и цели мировой глобальной политики.

На основе экономической теории марксизма, концепции диктатуры пролетариата как переходного периода на пути к отмиранию государства и философии диалектического и исторического материализма в России была осуществлена Великая Октябрьская социалистическая революция и создан Союз Советских Социалистических Республик. Теория, лежащая в основе этого грандиозного цивилизационного построения, была объявлена *единственно научной*, т.е. *объективно истинной*, открывающей путь к созданию *союза народов мира* на основе принципов коммунизма.

Все иные цивилизационные концепции с этих позиций выглядят как субъективные заблуждения. Таким субъективным заблуждением выглядела и доктрина *фашизма*, которая также претендовала на построение качественно новой глобальной цивилизации, нового порядка. Идея этой цивилизации апеллировала к науке, выводы которой проверялись опытным путем, доказывающим различие физических и иных качеств рас, выстраивающихся в своеобразную иерархию. Высшая раса должна управлять современным миром, освобождая его от неполноценных рас. Высшая раса для реализации глобальной функции построения нового порядка должна обладать превосходящей технической, организационной и военной силой, чтобы практически начать установление «нового порядка» в современном мире.

Первоначальные успехи политики фашистской Германии создавали политические и экономические предпосылки для начала военных действий против основного идейного противника национал-социализма, против сталинизма, против Советского Союза. Сокрушительные поражения, которые потерпела фашистская армия на Восточном фронте, требовали признания того, что следует придать качества высшей расы тем народам, которые объявлялись как «недочеловеки». Качества «недочеловеков» нужно отнести к тому народу, который расистская теория относила к высшей расе. Это было полное крушение нацизма.

Военная победа над фашизмом воспринималась как безусловное подтверждение истины марксистской теории. Однако послевоенная политика строительства коммунизма, политика пере-

стройки и политика неолиберальных реформ поставили крест на идее коммунистического переустройства современного мира.

Политика коммунизма и политика фашизма открывали новую эру *постцивилизационной эволюции*. Они «поднимались» над особенностями локальных цивилизаций, их культуры и их традиций. Они формировали *новые типы культуры и новые общенародные традиции*.

Их крушение создало ситуацию *концептуального плюрализма*. Концептуальный плюрализм неизбежно порождает хаотичные формы сознания и массового поведения. Их упорядочение требует константных истин жизни. Возрождается представление, что наше мышление должно включать то, что содержится в метафизическом сознании. Метафизическое сознание рисует круг константных символов. Возврат к константным символам случается всегда в более или менее несчастливые эпохи [Дильтей, 2013, с. 381].

Выдвигается идея систематической теологии, учитывающей тот факт, что Реформация была не только религиозным завоеванием, но и религиозной победой, требующей обновления протестантско-католических отношений. Воздействие всемирно-исторических событий вынуждает протестантскую теологию пересмотреть все ее традиции [Тиллих, 2017, с. 15]. В этих исследованиях чувствуется возрождение духа философии Владимира Соловьева. Однако систематическая теология, претендующая на соединение расходящихся религиозных вероучений, оказывается слишком абстрактной для объяснения возникающих цивилизационных проблем.

Анри Бергсон, автор философской концепции творческой эволюции, объясняющей жизненным порывом, внутренним импульсом мировую эволюцию, пришел к выводу, что философии в наибольшей степени не доставало точности. «Философские системы, – утверждал он, – не скроены по мерке реальности, в которой мы живем» [Бергсон, 2010, с. 83]. Он видел философскую трудность постижения цивилизационной реальности в природе *времени*. «Поскольку сущность времени состоит в том, что оно проходит, ни одна из его частей не остается на месте, когда появляется другая. Стало быть, наложение одной его части на другую в целях измерения невозможно, невообразимо, непостижимо» [там же, с. 84].

Непостижимость сущности времени означает непостижимость тех констант, которые лежат в духовном основании локальных цивилизаций. Эти константы отступают перед реалиями фор-

мирования глобального мирового порядка. Религия, которая несет в себе эти константы, теряет свою силу. Об этом свидетельствовал выдающийся философ и культуролог Альберт Швейцер. «Стремление к религии, – писал он, – наблюдается у многих людей, не принадлежащих ни к одной из церквей. Я с радостью готов согласиться со всем этим. И тем не менее факт остается фактом: религия не представляет собой силы. Доказательство? Война!» [Швейцер, 2018, с. 621]. Эпоха фиксирует разрыв между духовной культурой и реальностью бытия человека, которая определяется ситуацией самодеструкции цивилизации, выражающейся в мировой войне. Рождение ситуации цивилизационной самодеструкции определяется конкретными поступками конкретных людей, их нравственным смыслом.

Михаил Бахтин обратил внимание на *возникающую двусмысленность поступков людей* как характерный признак постцивилизационного бытия. Научно-технический прогресс, его требования рождают массив профессионалов, которые востребованы производством и общественной жизнью. Они превращаются в «лицо» народа и основную характеристику поступка. «Безукоризненная техническая правильность поступка, – писал он, – еще не решает дело о его нравственной ценности» [Бахтин, 2017 а, с. 49].

«Если бы долженствование было бы формальным моментом суждения, не было бы разрыва между жизнью и культурой – творчеством... был бы единый и единственный контекст и познания и жизни, культуры и жизни, чего нет, конечно» [там же]. С философским толкованием массовой двусмысленности поступков людей связано понимание универсальности *диалогических отношений*. М. Бахтин считал, что диалогический подход возможен к любой значащей части высказывания, даже к определенному слову, если оно воспринимается как знак чужой смысловой позиции. При широком рассмотрении диалогических отношений они возможны между другими осмысленными явлениями, если только эти явления выражены в каком-нибудь *знаковом* материале [Бахтин, 2017 б, с. 200]. При этом главным предметом рассмотрения становится *двуголосое слово*, рождающееся в условиях диалогического общения, т.е. в условиях подлинной жизни слова [там же, с. 201]. Это слово, считал М. Бахтин, должно стать одним из главных объектов изучения *металингвистики*. Металингвистика призвана обнажать нравственный смысл тех слов, из которых складывается об-

щественный диалог, в котором происходит обоснование универсальной истинности частных, эгоистических интересов, в результате которого происходит утрата здравого смысла.

Мишель Фуко давал свою историческую расшифровку двугласия слова как процесса взаимодействия и взаимосодействия разума и безумия. «Несмотря на внешне сходную скептическую направленность философии, – писал М. Фуко, – присутствие безумия видится в начале XVIII в. совершенно иначе, нежели в эпоху Возрождения. Тогда его присутствие было очевидным, имело бесчисленное множество признаков и грозило разуму прямым противостоянием... теперь же присутствие безумия стало расплывчатым, диффузным, не имеющим ни одного явного признака; безумие ушло из чувственно воспринимаемого мира, укрывшись в тайном царстве всеобщего разума. Оно полнит собою все – и везде отсутствует... Оно всегда здесь, оно повсюду, но никогда не совпадает с тем, что делает его особенно безумием» [Фуко, 1997, с. 190].

Это – картина начала XXI в. Современное цивилизационное безумие обретает формы рационального, рассудочного расчета, позволяющего установить мировой порядок, основанный на реальности экономического и военного превосходства. Это – форма цивилизационного мышления, повторяющего исходную идею «нового порядка», определявшего мировое господство «высшей расы». Сущность безумия в этом рассудочном расчете заключается в том, что господство над всем миром предполагается *на пути, который ведет к новой мировой войне*, в которой оказывается неизбежной гибель всего человечества, всей глобальной цивилизации.

Основанный на фактах разбор этой концепции представил профессор лингвистики и философии Массачусетского технологического института Ноам Хомский. Исследователь отмечает, что осенью 2002 г. наиболее могущественная держава заявила о своем решении использовать военные силы и меры устрашения для поддержания своего господствующего положения. В тексте Стратегии национальной безопасности говорится: «У нас хватит сил и средств, чтобы убедить потенциального противника воздержаться от наращивания собственных вооружений в надежде превзойти или сравняться по паритету военной мощи с США». Эксперты оценивают данное заявление как непосредственное свидетельство грандиозной стратегии, ведущей от фундаментальной решимости



к реализации мер по созданию одностороннего мира [Хомский, 2007, с. 19].

У США не будет достойных соперников, и предполагается, что *так должно быть всегда* [там же, с. 20]. Таким образом, речь идет о *реставрации идеи конечной цели истории как цели глобальной цивилизации*. Коррекция этой идеи заключается лишь в том, что определяется *новый субъект глобальной цивилизации* – это Соединенные Штаты Америки. Исторический опыт XX в. ничему не научил современных геополитиков. Концепция грандиозной имперской стратегии определяет современную глобальную политику, политику санкционного и военного давления на Россию, активизацию политики торговых и технологических войн. Но значит ли это, что грандиозная имперская стратегия определяет будущее мировой цивилизации? Это равносильно представлению о том, что всем индивидам, составляющим глобальную цивилизацию, будет предложено сменить свой пол.

Каким образом становится возможным преодоление безумия гегемонистской шизофрении? Оно возможно через влияние на *глобальное общественное мнение*, через истину цивилизационного знания как основания формирования адекватного самосознания народов современного мира. Принять в качестве истины для всех народов мира высказывание одного народа о том, что его страна – это явление исключительное и что она «выше всех», – это значит не видеть внутренней сущности других народов, которые обладают своими уникальными качествами, в реальности которых они могут быть «выше всех» других народов. Уникальные особенности народов мира и образуют созвездие глобальной цивилизации.

Универсальные технологические качества утверждаются и обретают реальную жизнь в границах локальных цивилизаций, превращаются в составную часть жизни народа, а не диктуются ему из конгресса страны гегемона. Это – естественный процесс цивилизационной эволюции, отличный от актов военного давления, создания военных баз на чужих территориях, агрессивных акций, имеющих катастрофические последствия для жизни народов современного мира.

Можно отказаться от этих варварских форм геополитики, строить диалог позиций, используя возможности новых информационных технологий, которые несут в себе универсальный технологический смысл. Очевидной иллюстрацией этой истины являет-

ся использование возможностей Интернета в любой стране современного мира.

Исходя из фундаментальных особенностей современной цивилизационной реальности, было принципиально важно расшифровать специфику информационного общества и информационного сообщества, обладающего внутренним тождеством в силу следования общим принципам и общим правилам независимо от своего социального положения, национальных, расовых, возрастных, половых и иных различий [Скворцов, 2011, с. 9–16]. Аналогичным образом принципиальное значение получило толкование информационного поля, его влияния на тип ментальности компьютерного человека, воздействия информационного поля на культуру, идеологию и религию, когда они становятся составными элементами информационного поля [там же, с. 25–46].

Была осмыслена структура информационной культуры как механизма упорядочения и организации массового поведения, отличного от религии и идеологии. Были определены и расшифрованы основные составляющие информационной культуры. Это символаты: информационная инфраструктура, видеоряд и метаобразование [там же, с. 47–140]. Анализ информационной культуры открывал возможности адекватного понимания формулы цивилизационного прогресса как сложного сплава универсальной в своей сущности информационной культуры с динамикой развития и взаимодействия локальных цивилизаций. Вместе с тем открылась возможность рассмотрения соотношения своеобразия информационной культуры и духовной идентичности в ее различных формах [там же, с. 141–225].

Особая проблема – это возникновение противоречий между функциями информации, когда информация становится средством достижения гегемонии, и гуманитарным знанием, которое опирается на цивилизационное самосознание или исторические традиции. Это – целый комплекс проблем специфики гуманитарного знания, зависимости его истины от свойств субъекта и вместе с тем от расщепления субъекта на реального человека, его информационный образ и на его имитацию в форме робота. Эта ситуация порождает противоречия когнитивного знания, возникновение взаимоисключающих методологических модусов: «психологизма» – сведения социальных явлений к индивидуальным свойствам субъектов; «ментализма» – позиции, согласно которой люди ведут

себя на основе общепринятых состояний разума; «когнитивизма» – компьютерно-репрезентационалистской теории разума [Скворцов, 2011, с. 227–376].

В концептуальных работах Центра сформулировано положение, согласно которому действительное понимание смысла бытия человека и основополагающей функции его самосознания определяется его ролью *второго полушария Универсума как смыслового выражения сущности его Бытия*. Функция самосохранения определяет бесконечность истины той задачи, которую решает человек, а значит, и бесконечности бытия человеческого рода. Гуманитарное знание имеет своим предметом субъект-объектную реальность, истина которой оказывается определением правильного пути. Правильность пути в конечном счете решается достижением самосохранения человеческого рода как конечной высшей истины.

Значит ли это, что цель достижения определенным цивилизационным субъектом господства над всеми другими цивилизационными субъектами является *истиной его бытия*. Является ли истина бытия конкретного цивилизационного субъекта истиной бытия человеческого рода? Исходя из специфики гуманитарного знания возникает возможность видеть горизонты когнитивного мышления, отталкиваясь от объективности внутреннего опыта, т.е. отражения тех представлений сознания, которые формируют цивилизационную позицию субъекта, его волю.

Это значит, что истина может определяться не только соответствием идеи эмпирической реальности предмета, но и соответствием предметной реальности содержанию признанной опытом универсальной ценности бытия. Это та истина, которая определяется проявлением условий выживания человека, его самосохранения. Анализ этой проблемы позволяет находить объективную характеристику народа как феномена «имморального субъекта», истина бытия которого находит свое выражение в когнитивной сущности философской антропологии [там же, с. 377–425]. Проблема цивилизационной истины как истинного пути стала предметом теоретического рассмотрения применительно к России. Более чем тысячелетний опыт цивилизационной истории России позволил выявить следствие разных подходов к определению сущности истины цивилизационного бытия.

XX век принес России две цивилизационные самодеструкции. Самодеструкция начала XX в. привела к признанию новой цивилизационной ориентации на основе *марксизма*. Самодеструкция конца XX в. привела к отвержению марксизма и принятию цивилизационной ориентации на философской основе *неолиберализма*. Россия оказалась на краю цивилизационной пропасти. Эта реальная ситуация подтолкнула к теоретическому рассмотрению проблем цивилизационной правильности и цивилизационного обскурантизма, цивилизационного дизайна, семантики правильной жизни и ее альтернатив, лестницы духовного восхождения [Скворцов, 2016, с. 15–92]. Был дан теоретический анализ истоков цивилизационной самодеструкции как результата самоидентификации цивилизационного субъекта, выбора истины жизни [там же, с. 93–127]. Рассматривалось влияние глобализации на формы цивилизационного дизайна, рождения феномена постцивилизационного сознания, кризиса исключительности как основания постцивилизационного глобального порядка [там же, с. 128–283].

Дух времени превращает кажущуюся «истину» эгоцентрических устремлений гегемона в очевидную для всех не-истину. Современная ситуация обнаруживает отчетливую тенденцию разлома стадий цивилизационного времени, что означает выявление смешения онтологии прошлого с онтологией будущего. Происходит элиминация различий и даже противоположности судеб исторических субъектов. Все более очевидной становится возможность общности их судьбы. Мир сегодня оказался перед проблемой смены цивилизационной воли и переходом к новому типу прабытия [там же, с. 372].

Цивилизационный кризис России совпал с кризисом глобальной геополитики мирового гегемона, поставившей весь мир перед реальной возможностью апокалипсиса. Эта ситуация оказывает глубокое воздействие на формирование индивидуального самосознания. В ситуации крушения нравственных авторитетов и абсолютизации личной свободы индивид превращает себя в верховного судью и исполнителя приговора. Эта ситуация порождает формы экстремизма, не укладывающиеся в традиционные объяснения.

Самосохранение цивилизации будет определяться реалиями глобального перевоплощения, способностью превращения в другого.

Процесс перевоплощения обретает две основные формы: деструктивную и позитивную. Деструктивная форма обретает про-

тивоестественный характер: мужчина превращает себя в женщину, женщина в мужчину, человек замещается роботом. Позитивная форма перевоплощения находит конкретные пути реализации гуманизма, самосохранения человечества. Эти пути либо станут всеобщими, либо потерпят глобальную неудачу с катастрофическими последствиями [Скворцов, 2016, с. 373].

Движение человечества по пути всеобщего гуманизма воспринимается как утопия, недостижимая реальность. Человек не может изменить своей исторически сложившейся и утвердившейся в массовом самосознании высшей ценности как достижении превосходства над Другим. В достижении превосходства над Другим осознается величие «Я». Вне этого величия человек видит свое ничтожество. Это – форма истины массового самосознания. На эту истину опирается современный гегемон, который в этих переменах видит реальность своих экономических и военных преимуществ. Если он в этой исключительной ситуации не воспользуется благоприятным моментом времени, то он проиграет большую геополитическую игру.

Этим объясняется тот факт, что безумие геополитики воспринимается как соответствующая здравому смыслу стратегия. Сегодня безумие геополитики гегемона спрятано в трезвых рассудочных расчетах: преимущества настолько очевидны, величие Америки лежит на поверхности и ее оппоненты должны сдаваться без боя один за другим: жить в полном подчинении гегемону гораздо лучше, чем быть экономически разорванным в клочья через санкции либо просто быть уничтоженным путем открыто военной агрессии. Новый мировой порядок лучше чем новая мировая война. *Этот безумный вывод считается эквивалентом глобального Разума.*

На этом выводе покоится вся современная геополитическая стратегия. Эта слепая вера в истину своей позиции имеет своими корнями философские основания западного монологизма. В Центре гуманитарных научно-информационных исследований была изучена эта проблема, была раскрыта тайна основного закона западной истории, природа идеологического монологизма и нравственного нигилизма [Скворцов, 2018, с. 17–47]. Была раскрыта природа цивилизационного солипсизма, который стал исходной философской предпосылкой переформатизации глобальной цивилизации, выдвижения концепции глобального мозга, имеющего информационные основания с двумя полушариями, американским

и западноевропейским. Глобальный мозг рассматривался как средство интеллектуального управления современным миром, рождения самодержавной и коллегиальной демократии, позволяющей добиться превращения современного мира в ресурсное поле для мира свободы [Скворцов, 2018, с. 113–145]. На этой политической почве построения нового мирового порядка возникают проявления неорасизма в формах фенотипического и биодуховного расизма [там же, с. 146–171].

Был дан анализ средств и механизмов, блокирующих и нейтрализующих возникающие в современном мире цивилизационные угрозы. Рассматривались функции слова, новой культуры, воздействия абсолютных смыслов на цивилизационную эволюцию [там же, с. 314–338]. Анализировались формы постижения цивилизационной истины и вариации цивилизационной терапии [там же, с. 339–364].

Цивилизационные исследования Центра показывают, что современный мир оказался между реальностью глобального термоядерного апокалипсиса, чреватого гибелью всей человеческой цивилизации и надеждой реализации утопии нравственной реформатизации, рождения новой морали человечества, которая объединяет «Я» и «Другого» в гармоничное единство, обеспечивающее эволюцию цивилизации как общего человеческого рода.

Возникает вопрос: как долго может современный мир балансировать между реальной возможностью глобальной ракетно-ядерной катастрофы и верой в реальность утопии всемирной гармонии народов в их общем стремлении к утверждению цивилизационной эволюции без санкционных давлений и войн, в отношениях взаимного уважения прав и свободы.

### **В качестве заключения**

В заключение хочу отметить, что совместная работа в Центре гуманитарных научно-информационных исследований стала той высшей школой, в которой сотрудники овладевали пониманием особенностей организационной работы в академической сфере и специфики цивилизационного мышления, предполагающего способность синтеза в органическое целое особенностей различных областей гуманитарного знания. Этот тип мышления становился

особенно востребованным при подготовке фундаментальных энциклопедических и справочных изданий, определявших своеобразие фундаментальных академических исследований, имеющих вместе с тем информационный профиль Института.

В создание энциклопедических изданий Центра внесли уникальный вклад Александр Николаевич Николюкин, Светлана Яковлевна Левит, Александр Евгеньевич Махов, Елена Алексеевна Цурганова. Особо хотелось бы отметить роль Светланы Яковлевны Левит в формировании сериальных изданий Центра. Александр Николаевич Николюкин сыграл ключевую роль в создании собрания сочинений выдающихся отечественных мыслителей.

В создание справочных изданий Центра внесли уникальный вклад Константин Васильевич Душенко, Юрченко Татьяна Генриховна, Комалова Лилия Ряшитовна, Раренко Мария Борисовна, Трошина Наталья Николаевна.

В Центре сформировались талантливые исследователи сложных цивилизационных проблем. Это – Хлебников Георгий Владимирович, Кимелев Юрий Анатольевич, Гудимова Светлана Алексеевна, Гальцева Рената Александровна, Лавренева Ольга Александровна, Красавченко Татьяна Николаевна, Миллионщикова Татьяна Михайловна, Ревякина Алина Александровна, Соколова Елена Всеволодовна, Боброва Любовь Александровна, Шкаев Дмитрий Геннадьевич.

Сотрудники Центра сыграли ключевую роль в поддержании постоянных продуктивных контактов со своими зарубежными коллегами. Особо хотелось бы выделить в этом отношении роль Трошиной Натальи Николаевны, Пахсарьян Натальи Тиграновны, Красавченко Татьяны Николаевны, Погорельской Светланы Вадимовны, Комаловой Лилии Ряшитовны, Яковлевой Эммы Борисовны, Соколовой Елизаветы Всеволодовны, Лавреновой Ольги Александровны.

Руководство работой Центра – это сложный, многогранный процесс. Члены Совета Центра играли активную роль в определении стратегии работы Центра и решении его текущих проблем.

Вместе с тем в течение академической жизни в руководстве работой журнала «Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты» руководитель Центра ощущал постоянную профессиональную поддержку своих заместителей – Хлебникова Георгия Владимировича и Комаловой Лилии Ряшитовны, руководителей

отделов, таких активных сотрудников, как Ремизова Ирина Ивановна, Жулькова Карина Алегловна, Кулькина Варвара Михайловна, Лозинская Евгения Валентиновна, Петрова Татьяна Георгиевна, Глухов Сергей Викторович, Гранин Роман Сергеевич, Летов Олег Владимирович, Мельник Сергей Владиславович, Пущаев Юрий Владимирович, Казак Евгения Анатольевна, Опарина Елена Олеговна.

### Список литературы

- Андреева И.С.* [рец.] // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – М.: ИНИОН РАН, 2002. – С. 104–111. – Рец. на кн.: Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. – М.: СОРАТНИК, 1995. – 310 с.
- Антология исследований культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. – Т. 1: Интерпретация культуры. – 728 с.
- Бахтин М.* Избранное. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017 а. – Т. 1: Автор и герой в эстетическом событии. – 544 с.
- Бахтин М.* Избранное. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017 б. – Т. 2: Поэтика Достоевского. – 512 с.
- Бенедикт Рут.* Хризантема и меч. Модели японской культуры. – М.: РОССПЭН, 2004. – 256 с.
- Бергсон А.* Избранное: Сознание и жизнь. – М.: РОССПЭН, 2010. – 399 с.
- Блаженный Иоанн. Фортепианное Евангелие Марии Вениаминовны Юдиной. – М., 2010. – 335 с.
- Бычков В.* 2000 лет христианской культуры sub specie aesthetica. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016 а. – Т. 1/2. – 576 с.
- Бычков В.* Vita longa: Становление эстетического сознания. Книга 1. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019 а. – 512 с.
- Бычков В.* Vita longa: Становление эстетического сознания. Книга 2. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019 б. – 624 с.
- Бычков В.* Византийская эстетика. Исторический ракурс. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 768 с.
- Бычков В.* Эстетическая аура бытия. Современная эстетика как наука и философия искусства. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016 б. – 784 с.
- Вебер М.* Избранное. Протестантская этика и дух капитализма. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017 а. – 656 с.
- Вебер М.* Избранное: Образ общества. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017 б. – 767 с.
- Веселовский А.* Избранное. Историческая поэтика. – СПб.: Университетская книга, 2011. – 687 с.
- Веселовский А.* Избранное: Историческая поэтика. – М.: РОССПЭН, 2006. – 688 с.



- Веселовский А. Избранное: Культура итальянского и французского Возрождения. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016 а. – 512 с.
- Веселовский А. Избранное: Легенды о св. Граале. Петроглиф. – СПб., 2016 б. – 512 с.
- Веселовский А. Избранное: Традиционная духовная культура. – М.: РОССПЭН, 2009. – 624 с.
- Веселовский А.В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016 в. – 512 с.
- Гершензон М. «Узнать и полюбить»: Из переписки 1893–1925 годов. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016 а. – 512 с.
- Гершензон М. Демоны глухонемые: Статьи, эссе, заметки разных лет. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 336 с.
- Гершензон М. Избранное. Образы прошлого. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016 б. – 448 с.
- Гершензон М. Избранное. Тройственный образ совершенства. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 640 с.
- Дильтей В. Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. – 464 с.
- Европейская поэтика от Античности до эпохи Просвещения. – М.: Intrada, 2010. – 512 с.
- Жильсон Э. Избранное: Христианская философия. – М.: РОССПЭН, 2004. – 704 с.
- Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. – М.: Intrada, 2004. – 560 с.
- Зиммель Г. Избранное. Философия культуры. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 432 с.
- Кассирер Э. Философия символических форм. – М.; СПб.: Университетская книга, 2002 в. – Т. 1: Язык. – 272 с.
- Кассирер Э. Философия символических форм. – М.; СПб.: Университетская книга, 2002 а. – Т. 2: Мифологическое мышление. – 280 с.
- Кассирер Э. Философия символических форм. – М.; СПб.: Университетская книга, 2002 б. – Т. 3: Феноменология познания. – 398 с.
- Катков М.Н. Собрание сочинений: В 6 т. – СПб.: Росток, 2012. – Т. 6: Михаил Никифорович Катков: Pro et contra. – 864 с.
- Киреевский И.В. Полное собрание сочинений: В 3 т. – СПб.: Росток, 2018 а. – Т. 1: 1816–1839. – 608 с.
- Киреевский И.В. Полное собрание сочинений: В 3 т. – СПб.: Росток, 2018 б. – Т. 2: 1840–1849. – 527 с.
- Киреевский И.В. Полное собрание сочинений: В 3 т. – СПб.: Росток, 2018 в. – Т. 3: 1850–1856. – 704 с.
- Культурология. XX век: Словарь. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 640 с.
- Культурология. XX век: Энциклопедия. – СПб.: Университетская книга, 1998. – Т. 1: А–Л. – 447 с.
- Культурология. XX век: Энциклопедия. – СПб.: Университетская книга, 1998. – Т. 2: М–Я. – 447 с.
- Культурология: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2007 а. – Т. 1. – 1392 с.
- Культурология: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2007 б. – Т. 2. – 1184 с.
- Культурология: Дайджест. – М.: ИНИОН РАН, 2010. – № 4 (55). – 256 с.

- Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). Том 1. – М.: РОССПЭН, 1997. – 512 с.
- Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). Том 2. – М.: РОССПЭН, 2000. – 640 с.
- Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). Том 3. – М.: РОССПЭН, 2002. – 447 с.
- Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). Том 4. – М.: РОССПЭН, 2006. – 447 с.
- Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 1596 с.
- Малиновский Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. – М.: РОССПЭН, 2004. – 552 с.
- Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени / под общ. ред. А.Н. Николюкина. – М.: Республика, 2000. – 429 с.
- Розанов В.В. Полное собрание сочинений: в 7 т. – СПб.: Росток, 2014–2017. – (Литература и искусство).
- Розановская энциклопедия / сост. и гл. ред. А.Н. Николюкин. – М.: РОССПЭН, 2008. – 1216 с.
- Самарин Ю.Ф. Крестьянское дело: Собр. соч.: в 5 т. – СПб.: Росток, 2017. – Т. 4. – 702 с.
- Скворцов Л.В. Информационная культура и цельное знание. – М.: МБА, 2011. – 440 с.
- Скворцов Л.В. Метаморфозы исторической памяти: Культурологический аспект // Культурология: дайджест. – М.: ИНИОН РАН, 2009 а. – № 2 (49). – С. 133–183.
- Скворцов Л.В. Метаморфозы исторической памяти: Культурологический аспект // Культурология: дайджест. – М.: ИНИОН РАН, 2009 б. – № 3 (50). – С. 154–203.
- Скворцов Л.В. Цивилизационные опасности: Философская интерпретация. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 384 с.
- Скворцов Л.В. Цивилизационные размышления: Концепции и категории постцивилизационной эволюции. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 384 с.
- Тиллих П. Систематическая теология. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – Т. 3: Жизнь и Дух. История и Царство Божие. – 415 с.
- Уайт Л. Избранное. Наука о культуре. – М.: РОССПЭН, 2004 а. – 960 с.
- Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры. – М.: РОССПЭН, 2004 б. – 1064 с.
- Фуко М. История безумия в классическую эпоху. – СПб.: Университет. книга, 1997. – 576 с.
- Хомский Н. Гегемония или борьба за выживание. Стремление США к мировому господству. – М.: Столица, 2007. – 464 с.
- Человек: образ и сущность: Гуманитарные аспекты: Ежегодник / Российская академия наук. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам; [редкол.: И.Л. Галинская – сост. и др.]. – М.: ИНИОН РАН, 1990. – 292 с.
- Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – М.: ИНИОН РАН, 2002. – 240 с.
- Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – М.: ИНИОН РАН, 2003. – 228 с.
- Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – М.: ИНИОН РАН, 2004. – 236 с.
- Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – М.: ИНИОН РАН, 2005. – 296 с.

- Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – М.: ИНИОН РАН, 2007. – 258 с.
- Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – М.: ИНИОН РАН, 2008. – 260 с.
- Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – М.: ИНИОН РАН, 2009. – 304 с.
- Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – М.: ИНИОН РАН, 2010. – 338 с.
- Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – М.: ИНИОН РАН, 2011. – 324 с.
- Швейцер А.* Жизнь и мысли. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 672 с.
- Шпет Г.* *Philosophia Natalis*. Избранные психо-педагогические труды. – М.: РОССПЭН, 2006. – 624 с.
- Шпет Г.* Жизнь в письмах: Эпистолярное наследие. – М.: РОССПЭН, 2005 а. – 688 с.
- Шпет Г.* Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. – М.: РОССПЭН, 2007. – 712 с.
- Шпет Г.* Мысль и слово. Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2005 б. – 688 с.
- Шпет Г.* Очерк развития русской философии. I. – М.: РОССПЭН, 2008. – 593 с.
- Шпет Г.* Очерк развития русской философии. II. Материалы. Реконструкция Татьяны Щединой. – М.: РОССПЭН, 2009. – 848 с.
- Шпет Г.* Философия и наука: Лекционные курсы. – М.: РОССПЭН, 2010. – 496 с.
- Шпет Г.* Философская критика: Отзывы, рецензии, обзоры. – М.: РОССПЭН, 2020. – 487 с. (в печати).
- Элиас Н.* Процесс цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. – М.: Университетская книга; СПб., 2001 а. – Т. 1.: Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. – 332 с.
- Элиас Н.* Процесс цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. – М.: Университетская книга; СПб., 2001 б. – Т. 2: Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. – 383 с.
- Юдина М.* В искусстве радостно быть вместе: переписка 1959–1961 гг. – М.: РОССПЭН, 2009. – 815 с.
- Юдина М.* Высокий стойкий дух: переписка 1918–1945. – М.: РОССПЭН, 2006. – 656 с.
- Юдина М.* Дух дышит, где хочет: переписка 1962–1963 гг. – М.: РОССПЭН, 2010 а. – 855 с.
- Юдина М.* Жизнь полна смысла: переписка 1956–1959 гг. – М.: РОССПЭН, 2008. – 600 с.
- Юдина М.* Нереальность зла: переписка 1964–1966 гг. – М.: РОССПЭН, 2010 б. – 617 с.
- Юдина М.* Обреченная абстракция, символика и бесплотность музыки: переписка 1946–1955 гг. – М.: РОССПЭН, 2008. – 592 с.
- Юдина М.* Перед лицом вечности: переписка 1967–1970 гг. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. – 592 с.

## References

- Antologia issledovanii culture. Tom 1: Interpretacia culturi. Spb.: Universitetskaja kniga. 1997. – 728 s.
- Bachtin M (2017 a). Izbrannoe. M.; Spb.: Centr gumanitarnich iniciativ. T. 1: Avtor i geroy v esteticheskom sobitii. – 544 s.
- Bachtin M. (2017 b). Izbrannoe. M.; Spb.: Centr gumanitarnich iniciativ. T. 2: Politica Dostoevskogo. – 512 s.
- Benedict Rut (2004). Chrisantema i mech. Modeli japonskoi culture. M.: Rosspen. – 256 s.
- Bergson A. (2010). Isbrannoe. Soznanie i gizn. M.: Rosspen. 339 s.
- Blagennii Ioann. (2010). Fortepiannoe Evangelie Marii Veniaminovni Yudinovi. M. – S. 59–76.
- Bichkov Victor. (2016 a). 2000 let christianskoi culture subspecia aestetica, tom 1, tom 2. – M. Spb.: Centr gumanitarnich iniciativ. – 576 s., 560 s.
- Bichkov Victor. (2019 a). Vitalonga: Stanovlenie esteticheskogo soznania. Kniga I. M.; Spb.: Centr gumanitarnich iniciativ. – 512 s.
- Bichkov Victor. (2019 b). Vita longa: Stanovlenie esteticheskogo soznania. Kniga II. M.; Spb.: Centr gumanitarnich iniciativ. – 624 s.
- Bichkov Victor. (2017). Vizantiiskaja estetika. Istoricheskii rakurs. M; Spb.: Centr gumanitarnich iniciativ. – 768 s.
- Bichkov Victor. (2016 b). Esteticheskaja aura bitia. Sovremennaja estetika kak nauka u philosophia iskusstva. M.; Spb.: Centr gumanitarnich iniciativ. – 784 s.
- Veber Maks. (2017 a). Izbrannoe. Protestantskaja etika i duh kapitalizma. – M; Spb.: Centr gumanitarnich initiative. – 656 s.
- Veber Maks. (2017 b) Izbrannoe. Obraz obchestva. M.; Spb.: Centr gumanitarnich iniciativ. – 767 s.
- Veselovskii Aleksandr. (2011). Izbrannoe. Istoricheskaja poetica. – Spb.: Universitetskaja kniga. – 687 s.
- Veselovskii Aleksandr. (2006). Izbrannoe. Istoricheskaja poetica. – M.: Rosspen. – 688 s.
- Veselovskii Aleksandr. (2016 a). Izbrannoe: Cultura italianskogo I frantsuskogo vozrozhdenia. M.; Spb.: Centr gumanitarnich iniciativ. – 512 s.
- Veselovskii Aleksandr. (2016 b). Izbrannoe: Legendi o sviatom Graale. Petroglif. – Spb. – 512 s.
- Veselovskii Aleksandr. (2009). Izbrannoe: Tradizionnaja duchovnaja kultura. M.: Rosspen. – 624 s.
- Veselovskii Aleksandr. (2016 c). V.A. Gukovskii Poesia chuvstva u «Serdechnogo vobragenia». M.; Spb.: Centr gumanitarnich iniciativ. – 512 s.
- Gerschenzom Michail. (2016 a). «Uznat i polibit» Iz perepiski 1893–1925 godov. M.; Spb.: Centr gumanitarnich iniciativ. – 512 s.
- Gerschenzon Michail (2017). Demoni gluchonemie. Statii, esse, zametki raznich let. – M.; Spb.: Centr gumanitarnich iniciativ. – 336 s.
- Gerschenzon Michail. (2016 b). Obrazi proshlogo. M.; Spb.: Centr gumanitarnich iniciativ. – 448 s.

- Gerschenzon Michail. (2015). Izbrannoe. Troistvennii obras sovershenstva. – Spb.: Centr gumanitarnich initsiativ. – 640 s.
- Guliga A.V. (2002). Russkaia ideja i ee tvorci // Chelovek: obraz i suchnost. Gumaitarnie aspecti. – M.; INION RAN. – 240 s.
- Deltei V. (2013). Vozzrenie na mir I issedovanie cheloveka so vremen Vozroждения i Reformazii. – M.; Spb.: Centr gumanitarnich initsiativ. – 464 s.
- Evropeiskaja poetica ot Antichnosti do Epochi Prosvechenia. – M.; Intrada, 2010. – 512 s.
- Gilson Etien. (2004). Izbrannoe. Chritianskaia Filosofia. M.: Rosspen. – 704 s.
- Zapadnoe literaturovedenie XX veka. Enciclopedia. – M.: Intrada. – 560 s.
- Zimmel Georg. (2017). Izbrannoe. Philosophia culture. – M.; Spb: Centr gumanitarnich initsiativ. – 432.
- Cassirer E. (2002 v). Philosophia simvolicheskikh form. – M.; Spb.: Universitetskaja kniga. – T. 1. Jasik. – 272 s.
- Cassirer E. (2002 a). Philosophia simvolicheskikh form. – M.; Spb.: Universitetskaja Kniga. – T. 2: Mifologicheskoe mishlenie, – 280 s.
- Cassirer E. (2002 b). Philosophia simvolicheskikh form. – M.; Spb.: Universitetskaja kniga. – T. 3. Fenomenologia posnania. – 398 s.
- Katkov M.N. (2012). Sobranie sochinenii: v 6 tomach. – T. 6: Michail Nikiforovich Katkov: pro et contra. – Spb.: Rostok. – 864 s.
- Kireevskii I.V. (2018 a). Polnoe sobranie sochinenii: v 3 t. – t. 1: 1816–1839. – Spb.: Rostok. – 608 s.
- Kireevskii I.V. (2018 b). Polnoe sobranie sochinenii: v 3 t. – T. 2: 1840–1849. – Spb.: Rostok. – 527 s.
- Kireevskii I.V. (2018 v). Polnoe sobranie sochinenii: v 3 t. – T. 3: 1850–1856. – Spb.: Rostok. – 704 s.
- Culturologija XX vek. Slovar. – Spb.: Universitetskaja kniga, 1997. – 640 s.
- Culturologija XX vek. Enziclopedia. – Spb.: Universitetskaja kniga, 1998. – T. 1: A–L. – 447 s.
- Culturologija XX vek. Enziclopedia. – Spb.: Universitetskaja kniga, 1998. – T. 2; M–Я. 447 s.
- Culturologija. Enziclopedia. – M.: Rosspen, 2007. – T. 1. – 1392 s.
- Culturologija. Enziclopedia. – M.: Rosspen, 2007. – T. 2. – 1184 s.
- Culturologija. Daidgest. – M.: INION RAN, 2010. – N 4(55). S. 225–234.
- Literaturnaja enciclopedia Russkogo zarubegija (1918–1940). – M.: Rosspen, 1997. – 512 s.
- Literaturnaja enciclopedia Russkogo zarubegija (1918–1940). – M.: Rosspen, 2000. – 640 s.
- Literaturnaja inzciclopedia Russkogo zarubegija (1918–1940). – M.: Rosspen, 2002. – 712 s.
- Literaturnaja inzciclopedia Russkogo zarubegija (1918–1940). – M.: Rosspen, 2006. – 540 s.
- Literaturnaja enciclopedia terminov i poniatii / gl. red. i sost. A.N. Nilolukin. – M.: NPK «Intelvak», 2001. – 1596 s.
- Malinovskii Bronislav. (2004). Izbrannoe: Argonavti zapadnoi chasti Tichogo Okeana. – M.: Rosspen. – 552 s.
- Rosanov V.V. (2000). Apokalipsis nashego vremeni / pod obchei redakziei A.N. Nikolukina. – M.: Respublika. – 429 s.
- Rosanov V.V. (2014–2017). Polnoe sobranie sochinenii: v 7 t. – Spb.: Rostok, 2014–2017. (Literatura i chudogestvo)

- Rosanovskaja enciclopedia. Sostavitel i gl. red. A.N. Nikolukin. – M.: Posppen, 2008. – 1216 s.
- Samarin Iu.F. (2017). Krestianskoe delo: Sobr. soch. v 5 t. – Spb.: Rostok. – t. 4. – 702 s.
- Skvortsov L.V. (2011). Informatsionnaja cultura i tselnoe znanie. – M.: MBA. – 440 s.
- Skvortsov L.V. (2009 a). Metamorfozi istoricheskoi pamjati: Kulturologicheskii aspect // *Culturologia: daidjest.* – M.: INION RAN. – N 2 (49). – S. 133–183.
- Skvortsov L.V. (2009 b). Metamorfozi istoricheskoi pamjati: kulturologicheskii aspect // *Culturologia: daidjest.* M.: INION RAN. – N 3 (50). – S. 154–203.
- Skvortsov L.V. (2018). Zivilisazionnie opasnosti: filosofskaja interpretazija, – M.; Spb.: Centr gumanitarnich iniziativ. – 384 s.
- Skvortsov L.V. (2016). Zivilisazionnie razmishlenia: Konzeptzii i Kategorii postzivilizationsionnoi evoluzii. M.: Spb.: Centr gumanitarnich iniziativ. – 184 s.
- Tillich P. (2017). Sistematicheskaja teologija. – M.: Centr gumanitarnich iniziativ. – T. 3: Gizn I Duch. Istoria i zarstvie Bogie. – 415 s.
- White L. (2004 a). Izbrannoe. Nauka o culture. – M.: Rosppen. – 960 s.
- White L. (2004 b). Izbrannoe. Evoluzia culture. – M.: Rosppen. – 1064 s.
- Fuko M. (1997). Istoria bezumia v klassicheskuyu epochu. – Spb.: Universitetskaya kniga. – 576 s.
- Chomsky N. (2007). Hegemoniya ili borba za vygivanie. Stremlenie USA k mirovomu gospodstvu. – M.: Stoliza. – 464 s.
- Chelovek: obraz i suchnost. Gumanitarnie aspecti. – M.: INION RAN, 1990. – 292 s.
- Chelovek: obraz i suchnost. Gumanitarnie aspecti. – M.: INION RAN, 2002. – 240 s.
- Chelovek: obraz i suchnost. Gumanitarnie aspecti. – M.: INION RAN, 2003. – 228 s.
- Chelovek: obraz i suchnost. Gumanitarnie aspecti. – M.: INION RAN, 2004. – 236 s.
- Chelovek: obraz i suchnost. Gumanitarnie aspecti. – M.: INION RAN, 2005. – 296 s.
- Chelovek: obraz i suchnost. Gumanitarnie aspecti. – M.: INION RAN, 2007. – 258 s.
- Chelovek: obraz i suchnost. Gumanitarnie aspecti. – M.: INION RAN, 2008. – 260 s.
- Chelovek: obraz i suchnost. Gumanitarnie aspecti. – M.: INION RAN, 2009. – 304 s.
- Chelovek: obraz i suchnost. Gumanitarnie aspecti. – M.: INION RAN, 2010. – 338 s.
- Chelovek: obraz i suchnost. Gumanitarnie aspecti. – M.: INION RAN, 2011. – 324 s.
- Shveizer A. (2018). Gizn I misli. – M.; Spb.: Centr gumanitarnich iniziativ. – 672 s.
- Shpet Gustav. (2006). Philosophia Natalis. Izbrannie psycho-pedagogicheskie trudi. – M.: Rosppen. – 624 s.
- Shpet Gustav. (2005). Gizn v Pismach. Epistoliarnoe nasledie. M.: Rosppen. – 720 s.
- Shpet Gustav. (2007). Iskisstvo kak vid znania. Izbrannie trudi no filosofii culture. – M.: Rosppen. – 712 s.
- Shpet Gustav. (2005). Misl i slovo. Izbrannie trudi. – M.: Rosppen. – 688 s.
- Shpet Gustav. (2008). Ocherk rasvitia russkoi filosofii. I–M.: Rosppen. – 592 s.
- Shpet Gustav. (2019). Ocherk rasvitia russkoi filosofii. II.: Materiali. M.: Rosppen. – 8482 s.
- Shpet Gustav. (2010 a). Filosofija i nauka, Lekzionnie kursy. – M.: Rosppen. – 496 s.
- Shpet Gustav. (2010 b). Filosofskaja kritika: Otvizy, rezensii, obzori. – M.: Rosppen. – 487 s.
- Elias N. (2001 a). Prozess zivilizatsii. Sociologicheskie i psihologicheskie issledovania. – M.: Universitetskaja kniga; Spb. T. 1. Ismeneniya v povedenii vishego sloja mirjan v stranah Zapada. – 332 s.

- Elias N. (2001 b). Prozess zivilizatsii. Sociogeneticheskie i psichogeneticheskie issledovania. – M.: Universitetskaja kniga; Spb. – T. 2. Ismenenija v obchestve. Proekt teorii zivilizatsii. – 382 s.
- Yudina Maria. (2009). V iskusstve radostno byt vmeste. Perepiska 1959–1961. – M.: Rosspen. – 815 s.
- Yudina Maria. (2006). Visokii stoikii duch. Perepiska 1918–1945. – M.: Rosspen. – 656 s.
- Yudina Maria. (2010 a). Duch dishit gde hochet. Perepiska 1962–1963. – M.: Rosspen. – 855 s.
- Yudina Maria. (2008 a). Gizn polna smisla. Perepiska. 1956–1959. – M., Rosspen. – 600 s.
- Yudina Maria. (2010 b). Nerealnost zla. Perepiska 1964–1966. – M.: Rosspen. – 677 s.
- Yudina Maria. (2008 b). Obrechennaja abstrakzia, simvolica i besplotnost musiki. Perepiska 1946–1955. – M.: Rosspen. – 592 s.
- Yudina Maria. (2013). Pered lizom vechnosti. Perepiska 1967–1970. – M. Centr humanitarnich iniziativ. – 592 s.